

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Марина ЕФИМИНЮК

БЕРЕГИНЯ ИАНСЫ

Издательство Альфа-книга

Берегиня Иансы

Марина Ефиминюк

Берегиня Иансы

«Автор»

2007

Ефиминюк М. В.

Берегиня Иансы / М. В. Ефиминюк — «Автор»,
2007 — (Берегиня Иансы)

Многие желали обладать силой Хранителей драконов, то есть быть бессмертными и могущественными. Да мало кто знал, какую плату требует она от обладателя. Ведь, даже нечаянно прочитав страшное заклинание, взамен придется вернуть жизнь. Так было всегда, так есть и так, несомненно, будет. Берегиня обязана возродить источник силы Иансу, дабы восстал род драконий из пепла! Жаль, в этот раз ее не спросили... Грядет смертельная игра с Берегиней, и пока неизвестно, кто окажется кошкой, а кто – мышью!

© Ефиминюк М. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сердечно благодарю за помощь в работе над книгой своего папу, а также Лаврентьева Александра, самого преданного моего читателя, и Сорокину Анну.
Автор

Часть первая

Три шага до ненависти

Ничто не проходит бесследно, ни одна подлость не остается незамеченной Высшими силами. Вы можете бежать от своих ошибок, пытаться стереть из памяти мелкие подробности, гнать прочь чувство брезгливости от собственных деяний, да только все это бессмысленно. Совершенная когда-то мерзость всегда возвращается, толкает в спину и заставляет упасть на колени.

Я почти перестала вздрагивать и кричать во сне. Из памяти вытеснялись страшные образы прежних событий, и жизнь поменяла злобный оскал на легкую усмешку. Теперь все реже и реже меня посещало щемящее чувство страха, и я практически излечила душевные раны.

Все это было ровно до того момента, пока на меня не открыли охоту.

– Вон там девка! Я видал, как она спряталась!!!

Я лежала в яме, засыпанной прошлогодней потемневшей листвой, покрытой тонкой, почти растаявшей корочкой заледенелого снега, и старалась не шевелиться. В душе теплилась надежда, что преследователи не заметят моей съжившейся фигурки и пройдут мимо.

Сильный ветер, налетающий на все еще голые кроны деревьев, шумел и заглушал шаги преследователей. Было бы тихо – смогла бы расслышать их, а так оставалось лишь уповать на удачу.

Да что им вообще от меня надо?!

– Нет ее тут! – заорали сверху над головой.

Под чьим-то сапогом громко хрустнула трухлявая ветка.

– Кликни Ермолу! – приказал хриловатый го-лос. – Темнеет, да, того и гляди, снег пойдет!

– А как же девка?

– Да куда не денется твоя девка!

Холод уже проникал под душегрейку, студил спину, а руки и вовсе заледенели. Они правы: деваться мне некуда, вокруг непроходимые топи. Выход был один – на полузаброшенный тракт, ведущий к Салотопке, который, похоже, успели перекрыть.

Темно-серое небо, готовое разразиться дождем со снегом, окончательно затянули еще недавно изредка белевшие хлопья облаков. Вроде апрель на дворе и пост уже к концу подходит, а тепла все нет и нет.

Я стала тихо отползать под нависающий над оврагом обрыв. Земельный пласт держался на корневище мощного столетнего дуба и образовывал темную пещерку. Сумерки налетели так же стремительно, как порывы холодного ветра, взъерошивавшего листву.

Как все хорошо начиналось! Гладко прошло дело, в мои руки легко ушел баснословно дорогой браслет, в народе называемый Королевская Невинность! И через Оку я спокойно переехала. Даже под собственным портретом «Разыскивается Наталья Москвина» на переправе постояла, и то не узнали. Но как будто чуяло сердце, что в конце концов случится какая-нибудь гадость и все полетит в тартарары.

К тому же любое промедление в доставке браслета означало одно – уменьшение гонорара. Если представить выручку толстым бархатным кошельком с золотыми монетами, то в нем уже оставалось только три медяка...

И все же, откуда взялись наемники? Будто кто напел, что заказчик назначил мне встречу в полузабытой деревеньке Гадюкино.

Одно хорошо – браслет сейчас далеко. Признаться, сама не знаю, насколько далеко. Я его на шею своего болотного демона нацепила, чтобы меня на переправе не сграбастали с контрабандой, а Страх Божий сделал изящный пируэт и скрылся в неизвестном направлении, как только на меня напали. Подлый предатель, прости господи мою душу грешную, только и умеет, что громко рычать, лаять да за пальцы клыками хвататься. Хотя вру, еще талантливо из чужих тарелок еду ворует, когда на постоянных дворах ночуем. За полтора года ничего хорошего от демона не видела, даже не верится, что он мне несколько раз жизнь спасал.

Я шмыгнула носом, забираясь подальше в полумглу земляной пещеры. В воздухе уже летали мелкие колючие снежинки, но здесь казалось теплее. Поплотнее запахнув тонкую весеннюю душегрейку, я свернулась калачиком. Надо переждать какой-нибудь час, а потом прокрасться перелеском до постоянного двора, забрать лошадь и рвануть в обратном направлении. Браслет продать еще успею, главное – жизнь спасти.

Когда этим вечером я спокойно ужинала на постоялом дворе, дожидаясь хамоватого поверенного моего нанимателя (такого известного человека, что его имя произносить даже совестно), в трапезную вошли эти трое, плечистые бородатые мужички в потрепанных легких тулупчиках. Я сразу определила, что они наемники, уточню для полной ясности – наемные убийцы. Может, простой обыватель и не разберет на глаз, а мне в жизни много приходилось со всяким отребьем общаться. Наемных убийц различаю, как поп грешников, про воров можно и не говорить. Знаете, «гыбак гыбака видит издалика», как сказал бы один мой старый знакомый.

На шеях мужичков поблескивали недурственные амулеты-щиты, заряженные, но не активированные. Я сразу напряглась, приосанилась, готовая к любой гадости с их стороны. Мужички, оставляя на чисто вымытом полу грязные следы, прошли к длинному столу. Служка засуетился вокруг них, загремел глиняными тарелками, услужливо раскланиваясь. Вновь прибывшие обвели залу злобными пронзительными взглядами, будто нарочито не замечая меня.

Собственно, это и заставило насторожиться.

Выглядела я так, что волей-неволей присутствующие в мою сторону косились. Вроде бы сублильный паренек в ермолке, а задом или боком повернется – девица, и взгляд тяжелый. Душа от такого взгляда у нормальных людей в пятки уходит.

Ясноокая, я чувствую любую ворожбу и естественную магическую природу вещей, поэтому гляжу – будто иголкой колю. Не любят яснооких в Окии, хотя, надо отдать должное, нас нигде не жалуют и с распахнутыми объятиями не встречают. В людных местах с детства глаза прятала и в пол смотрела, чтобы никого не испугать.

И вот когда один незнакомец хмуро кивнул подельщику – нет, не кивнул, а так, будто головой только дернул, я сразу поняла: пришли по мою душу. Спокойно встала и, не торопясь, вышла во двор. Они выскочили за мной буквально след в след.

Уже почти сутки я от них пряталась, холодная, голодная, уставшая как собака, а этим тварям хоть бы что, гоняют меня по лесам и болотам без устали.

Грешным делом, сначала я решила, что это бандюги за браслетом охотятся, но потом стало ясно – Королевская Невинность здесь ни при чем.

Наемникам нужна была именно я. Интересно только, зачем?

Стало совсем темно. В мое убежище залетел ветер, заставив зябко поежиться и закашлять.

Я тихонечко выбралась наружу. Вокруг черным-черно – хоть глаз выколи. Осторожно, чтобы не оступиться и не скатиться в глубокий овраг, по дну которого протекал холодный талый ручей, я, озираясь, поднялась обратно в лес.

Сильный ветер срывал с крыши постоянного двора дерн, скрипел и хлопал ставнями. Я тихо прошмыгнула в теплую конюшню, где пахло овсом и навозом. Лошади заволновались от моего присутствия. Под потолком от сквозняка качался масляный светильник, и неровные тени танцевали по деревянным стенам. При моем появлении каурая заволновалась, но, почувствовав хозяйку, быстро успокоилась и позволила накинуть на себя уздечку.

Только я, обливаясь потом, надела на лошадь тяжелое седло и затянула подпругу, как во дворе кто-то крикнул:

– Девка точно в конюшне! Я видел ее, когда на крыльцо выходил!

Меня бросило в жар. Схватившись за повод, я затащила упирающуюся кобылу в стойло и притаилась сама, прижавшись к деревянной перегородке. Дверь со скрипом отворилась, ветер взметнул с пола грязную солому. Кто-то, шаркая, прошел по проходу и, особо не церемонясь, заглядывал в каждый закуток, пугая лошадей. Не дойдя до моего убежища всего несколько шагов, незнакомец решительно повернул обратно и вышел наружу.

– Показалось тебе, – прогудел он, – нет там девки!

– Пропустим – Степан голову оторвет, – жаловался его подельщик.

– Да отряд перекрыл тракт, а по болотам сама не ползет.

– Степан сказал, она...

– Да заткнись ты со своим Степаном! – осерчал первый.

Голоса стихли. Я потянула лошадь на темный двор, сначала выглянув проверить преследователей. Никого.

Но не успела я добраться до ворот, как шум и шелест ветра накрыл страшный драконий вой. Кобыла, испугавшись, всхрапнула и шарахнулась в сторону. Я едва не рухнула под копыта. Тут же из избы на улицу высыпал переполошенный народ, и кто-то надрывно заорал:

– Гляньте, лошадь уводят!

Мужские голоса подхватили:

– Девка!!! Лови!.. Держи ее!..

Я все еще никак не могла справиться с лошадкой, пытаюсь заставить ее слушаться, а над избой уже пронесся стремительный огненный поток, который ударил в конюшню. Деревянная постройка тут же превратилась в факел. Во дворе началось суматошное движение. Сверху на голову сыпался дождь из горящего и тухнущего в холодном морозном воздухе пепла. А в дымном небе мелькнула вытянутая крылатая тень.

Кобыла понеслась в сторону черной стены леса, стараясь скрыться от грозящей на открытой дороге опасности. Впереди, на развилке, показалась полуразрушенная застава, а за ней по обочине дороги горели костры походной стоянки. Люди увидели одинокую всадницу, убегающую с горящего постоянного двора, и бросились мне наперерез. Я резко осадил лошадь, разворачиваясь. Та, неуправляемая и испуганная, встала на дыбы. В следующее мгновение я рухнула наземь. Резкая боль рассекла спину, в глазах потемнело. Кто-то, тяжело дыша, нагнулся надо мной, и, проваливаясь в беспамятство, я услышала далекий знакомый голос:

– Ну, Пришлая, ну помотала нас по округе!

Бесконечно долго меня везли в старой тюремной карете без единого окошка, такой разбитой, что казалось, будто скрипучие пружины рессор вот-вот сломаются и весь экипаж завалится в глубокую канаву. Тогда точно кости переломаяю.

На кочках и колдобинах трясло и подбрасывало. Через толстые стенки едва просачивались звуки: неровное шелестение колес по ухабистой дороге да отдаленные окрики возницы, подгонявшего лошадей.

Кто меня выловил, так и не поняла. В карету кинули без сознания, опечатали заклятием, побоявшись, что замок на двери меня не удержит. Внутри воняло жасмином, и в щелочку под дверь пробивалась зеленоватая магическая полоска.

Вот экипаж остановился, меня тряхнуло последний раз, и после громкого шелчка открылась дверца. В проеме, загораживая серый дневной свет, стоял Степан Тусанин – Хранитель, с которым мы познакомились, когда некоторое время назад я выкрала Ловца Душ. Впрочем, я уже рассказывала эту историю, и повторяться не следует. Скажу одно – хороших воспоминаний мужчина у меня не оставил. Да и лошадь его, какую я позаимствовала на время, буквально через полчаса скинула меня в сугроб, испугавшись развернувшегося между магами и Хранителями боя.

Тусанин за время нашей разлуки будто бы заматерел, отрастил светлые усы и жиденькую бороденку, отчего его физиономия стала чересчур простецкой. Только глаза холодного серого цвета по-прежнему смотрели люто и ненавистно.

– Здорово, Степан. – От долгого молчания голос осип.

Я кашлянула и уставилась на мужичка, не особо рассчитывая получить от него разъяснения произошедшего.

– Пришлая, руки вытяни, – потребовал тот, отводя глаза.

Я нарочно скрестила руки на груди:

– Говорю, день добрый, милсдарь.

– Руки вытяни.

– Зачем вы меня загоняли?

– Наталья, я не буду с тобой любезничать. Либо дашь надеть наручники, либо... – Он осекся.

– Договаривай. С каких это пор Хранители похищают невинных девиц?

В следующий момент совсем неожиданно он ловко сграбастал меня в охапку и легко закинул на плечо, слегка шлепнув чуть ниже спины, чтобы не дергалась. Я в ответ поступила как настоящая мамзель: так пронзительно завизжала, что в горле запершило.

– Дай уточнить, – сквозь зубы, заглушаемый моими воплями, процедил Степан, – невинной девицей ты себя назвала?

У меня перед глазами мелькала грязная мокрая брусчатка. Доносились грубый мужской гогот и собачий лай. Пахло скотным двором и помоями.

– Отпусти!!! – орала я как сумасшедшая, вырываясь. Голова гудела, нос и уши заложило.

– Успокойся ты! – Степан разжал руки, и я мешком рухнула в грязную лужу, подняв фонтан брызг. Порты тут же промокли, исподнее прилипло к ягодицам, а в рукава до самых локтей залилась холодная талая вода.

Хохот громыхнул с двойной силой. Внезапно его перекрыл хриплый собачий лай. Сверху на обидчиков налетела стремительная тень. Я вскинулась, заметив, как над крышами посеребривших от дождей дворовых построек пронесся болотный демон, покрытый клоками черной жесткой шерсти, отрощенной на зиму, а теперь неприглядно облезавшей. Мужички как один примолкли, некоторые рванули в людские, а кто в конюшню. Были и такие, кто свинарником не побрезговал. Страх Божий спикировал мне на плечо, стоило подняться на ноги, и хорошенько толкнул, так что я едва не завалилась обратно.

Первым делом я покосилась на браслет у него на шее и опечалилась. Посреди широкого ряда крупных прозрачных бриллиантов зияла дыра, оголяя червонное золото основания. Один камень выпал-таки, чтоб ему пусто было!

– Наталья! – донесся до меня голос Степана, выглянувшего из-за двери людской, откуда доносилась возмущенная женская ругань. – Убери свою зверюгу!

– Демон когда-то твоим был, – заметила я, выжимая по мере возможности полы душегрейки.

– Да, но только ты с ним нравом сошлась!
– Три золотых!
– Обалдела?
– Отдам все пять, только позвольте на свежий воздух выбраться! – заорал кто-то из сви-
нарника, чуть приоткрыв дверцу.
– Мужики, кто больше?! – хохотнула я.
Бес радостно твякнул мне в лицо и лизнул грязную щеку шершавым языком.
– Убирай демона и отделаешься одной затрециной! – пообещал Степан.
Предложение мне сильно понравилось.
– Ладно, – согласилась я и, перехватив Страха крылья, прижала упирающегося беса к
груди. – Выходи уже!

Мужички, набравшись смелости, выбирались из своих укрытий и с уважительного рас-
стояния косились на крохотное чудище с круглой башкой, желтыми зенками и тонким крыси-
ным хвостом. С первого взгляда монстр даже вызывал умиление, если бы не острые клыки в
пасти.

Я осмотрелась, с каждой секундой все больше и больше мрачней.

Мы стояли на заднем дворе замка, где от чужих глаз прятались хозяйственные постройки.
Здесь же имелись и коровник со свинарником. Из трубы прачечной шел сизый дым. Вокруг
сильно пахло кипяченым бельем и дешевым хозяйственным мылом. По двору, с удивлением
глазая на столпотворение, шмыгали горничные в белых передниках. Конюхи распрягали чер-
ную тюремную карету и вели лошадей в добротную каменную конюшню.

Перед глазами воскресла картина этого же двора, только в другое время и с другого
ракурса: оттуда, из окна второго этажа. Полуразрушенные постройки, покинутые людские,
холодный ветер, гоняющий редкие снежинки и играющий пылью на серой брусчатке. Я резко
оглянулась – самая высокая башня по-прежнему чернела после пожара, а в серое небо вели-
чественно вонзался шпиль с новым красным знаменем.

Это был замок проклятого Хранителя графа Василия Лопатова-Пяткина.

С каждой минутой, проведенной здесь, крепло ощущение, что меня по самые колени
утягивает в неприятности.

Степан, пока я осматривалась да холодела от дурных предчувствий, осмелел и решился,
было, схватить меня под локоток, но Страх не сплеховал – тут же грозно и злобно зарычал
на бывшего хозяина, оголив мелкие желтоватые клыки. Тусанин поспешно отступил, спрятав
руки за спину, и кивнул на высокую деревянную лестницу, ведущую к черному входу:

– Пойдем.

– Не хочешь объяснить, что все это значит? – раздосадованно спросила я, не собираясь
сдвигаться с места, пока не получу вразумительного ответа.

Черт-те что и сбоку бантик! Выловили, притащили в проклятый замок, откуда еще
совсем недавно было невозможно выбраться на свободу! Господи, да я под пыткой не войду
в этот каменный склеп!

– Пришлая, не упорствуй, – Хранитель глядел хмуро и решительно, – все равно я сильнее.

– Все же поколотишь? – осклабилась я, ерничая.

– Если понадобится, то и садану хорошенько! – Тон собеседника не оставлял никаких
сомнений – говорил он серьезно донельзя. – А теперь уйдем отсюда. Тебя уже ждут. Ну, чего
вылупились?! – ругнулся он на толкущихся подопечных. – Дел никаких нет?!

Мы пересекли суетный двор под косые, шибко заинтересованные взгляды обнаглевшей
замковой прислуги да тихие шепотки и не думавших никуда разбредаться мужичков. Я так и
чувствовала спиной, как меня разглядывают и оценивают. Видно, гадают: что за птицу прита-
щили в барские хоромы?

Почувствовав демона, ко мне кинулась мелкая шавка и захлебнулась визгливым лаем, даже за сапог попыталась схватить. Страх Божий совсем развеселился – сочно тьякнул, пробуя вырваться и наброситься на нахалку. Я же так топнула ногой, что дворняжка подпрыгнула, подобно дикой кошке, и унеслась под лестницу, продолжая заливаться из убежища.

– Степан, что происходит? – Сама себе я напоминала сломанную шарманку, повторяя один и тот же вопрос на разные тона.

Тот молча подтолкнул меня в спину, когда я остановилась, дожидаясь ответа.

– Иди уже.

– Зачем ты здесь? – Я едва сдержалась, чтобы не сорваться на крик. – Ты хотя бы представляешь, кто такой граф? Он проклятый Хранитель, если ты не знаешь! Он в этом замке живет с отборной нечистью! Что может связывать тебя и этого отшельника?! Почему ты молчишь?! – Я с ненавистью оглянулась, распаяясь все больше.

Тусанин поднимался за мной по лестнице, хмуро рассматривая потемневшие скрипучие ступени.

– Не смей молчать!

Ей-богу, клянусь, толкнула бы дурака! Скатился бы с лестницы в две сажени высотой и свернул бы себе дурную башку, да, боюсь, потом самой мало не покажется.

– Большие дела творятся, – тихо и туманно отозвался он и нехотя уточнил: – Война начинается.

– Какая война? – обомлела я.

– Хранителей и людей.

– Чего?!

Так искренне я не смеялась с раннего детства. Всхлипывая, хохотала до слез и даже в лакейскую ввалилась, согнувшись пополам. От бессилия руки разжались, выпуская демона. Неожиданному освобождению мелкий бес обрадовался необычайно – радостно залаял и тут же юркнул в темный узкий коридор, так что его тьяканье донеслось до нас уже утихающим эхом.

– П-п-повтори еще раз, – задыхалась я, утирая слезы. – Как-как ты только что сказал?!

– Прекрати! – потребовал Степан, подскочил ко мне и хорошенько встряхнул.

Я всхлипнула и, не пряча широкой ехидной улыбки, простонала:

– Ну насмешил, сердечный!

– Что смешного?

– Какая чушь! Война с людьми! Кто вы? Мелкая шайка, крохотная спрятанная Ианса. Оглянись – вы же национальное меньшинство, честное слово!

– У нас есть драконы!

– А у людей есть маги. К тому же мы знаем: за любым драконом стоит человек. – Незаметно для Степана я отстегнула с его пояса болтающийся нож, а в следующее мгновение ловким движением приставила острое лезвие к его горлу, ровно под кадык.

Мужчина шарахнулся от меня, но уперся спиной в каменную серую стену.

– Осторожно, не поцарапайся, – почти ласково промурлыкала я.

– Шутишь все? – вздохнул порядком побледневший Хранитель.

– Шучу? Плохо же ты меня знаешь, Степанушка. – Я вжала стальную кромку в кожу, даже крохотные капельки крови выступили, Тусанин поморщился. – Не страшно, что резану... и опа-а-а... нет ни тебя, ни твоего дракона?

– Господи помилуй, господа помилуй! Демоны! – охнул кто-то рядом.

Со зверским оскалом на устах я оглянулась. Передо мной стоял давний знакомый – лакей Назар и испуганно хлопал белесыми ресницами, обрамляющими по-рыбьи холодные глаза. Чего греха таить, со Степаном сейчас мы представляли весьма интересную композицию: худая девица, прижимающая к грязной шее здорового мужлана острый ножик.

Лакей с виду совсем не изменился. Кажется, стал даже румянее и отъел (или отпил?) себе щеки. Ну одно слово – упырь. Я ему так и заявила:

– Упырь, ты молишься?! Не изменился, гляжу... – В следующее мгновение произошла стремительная рокировка, и уже я стояла прижатая к холодной кладке, а Степан приставлял к моему горлу наточенное лезвие:

– Осторожно, Пришлая, не поцарапайся!

– До хозяина живой доведи. – Я передернула плечами, пытаюсь сбросить его локоть, предельно впивавшийся в грудь.

– Держись от меня подальше. Поняла? – предупредил Хранитель, отпуская меня и пряча нож. – Подальше!

Потом мы петляли по бесконечным ледяным коридорам. Замок подремонтировали, но все-таки дух упадка по-прежнему витал по убранным и выметенным рекреациям. С потолков больше не свисали лопухи паутины. Огромные лампы вымыли, прилепили новые дорогие свечи. Все чаще нам встречались перепуганные горничные и ошалевшие лакеи. Только шаги сиротливо разлетались по огромным пустым помещениям, подхватываемые промозглыми сквозняками. Так стремительно стареющая кокетка не может вернуть молодость, только накрастит губы кармином, подвяжет седеющие волосы нарядной косынкой, но сморщенную, как у столетней черепахи, шею и мелкие морщинки у глаз все равно не сможет спрятать.

Я старалась отогнать от себя навязчивое ощущение дежавю, от которого ныло под ложечкой. Длинными ночами мне снились кошмары, как за мной по узким бесконечным коридорам замка гонится выпь, и часто мучило видение моего стремительного падения в черную пропасть потайной комнаты.

Теперь же меня силой притащили сюда – понять бы для чего.

В памяти четким оттиском на всю жизнь отпечаталась высокая тяжелая дверь кабинета Лопатова-Пяткина. Рядом с ней дежурил страж. На вид мужичок, широкоплечий и мощный, но простое безусое лицо с узкими глазами, широким коротковатым носом и непропорционально большим ртом принадлежало совсем юному мальчишке.

Завидев нас, он вытянулся и выгнул грудь колесом, подобрав живот.

Степан скользнул по невысокой коренастой фигуре раздосадованным взглядом и буркнул:

– Ты, Петр, пока иди и позови Ивана. Он тебя сменит.

– Ну как же? – краснея, развел тот руками.

– Найди Ивана, – прошипел Тусанин, теряя терпение. – Быстро!

И лишь когда мальчишка косолапо и неуклюже, беспрестанно топая, побежал по коридору, Степан кивнул:

– Заходи.

– Стучаться не буду, – хмыкнула я, толкая дверь плечом.

И снова мне показалось, что меня с головой окунули в воды прошлого и никак не дают вынырнуть, чтобы глотнуть свежего воздуха да удостовериться – происходящее только снится. Внутри царили те же запахи дорогого коньяка и книжной пыли. По-прежнему стены скрывали стеллажи со старинными бесценными фолиантами, и дневной свет все так же едва-едва проникал через тяжелые пыльные портьеры. Видно, этой комнаты обновление так и не успело коснуться.

Лопатов-Пяткин не поднялся при моем появлении, только откинулся на высокую гнутую спинку стула и чуть заметно кивнул. Он был все тот же: мрачный, скрывающий в себе темную силу Хранителей, помноженную на накопленную за годы заточения злость. Только почти черные глаза резко выделялись на благородном восковом лице, похожем на красивую, но застывшую маску.

– Когда Хранители сняли полог с твоего замка? – вместо приветствия спросила я, пряча трясущиеся руки в карманы.

– Хранители не снимали полога, – пожал плечами Василий. И голос у него ничуть не изменился – глубокий баритон, пробирающий до самых косточек. – Это сделала ты, когда со своими подельщиками убегала. И освободила нас всех, – изогнул он черную бровь.

– Меня притащили сюда, чтобы поблагодарить? Тогда не за что, – хохотнула я и пожалала плечами. – Ну что ж, любезностей не надо. Увиделись, поболтали... Так. По-дружески. Удостоверились, что оба живы и здоровы. Пора и честь знать.

Он долго изучал меня с потаенной хитрецей во взгляде, а потом огорошил заявлением, заставившим меня глупо пялиться от изумления:

– Предлагаешь тебя прикончить, так и не выдвинув конструктивного предложения?

Я выдержала паузу, стараясь собрать воедино разбегающиеся тараканами мысли, закрыла раззявленный рот и медленно проговорила:

– Подожди, дай уточнить на всякий случай: это такой великосветский юмор? Нет? – (Граф вытянул губы и отрицательно покачал головой.) – Ага. Хорошо. В таком случае конструктивные предложения придутся весьма кстати.

Комната медленно кружилась перед глазами, превращаясь в калейдоскоп серых красок.

– Поздравляю, кажется, ты с каждой минутой умнееешь. Раньше ты не отличалась такой сговорчивостью, а главное – рассудительностью. – Василий поднялся, вдруг до странности заполнив собой все на первый взгляд широкое пространство.

– Раньше ты не грозил, что убьешь меня...

И тут я поняла, что в кабинете мы находимся не одни. От волнения не заметила поначалу высокой фигуры в грубой монашеской рясе и сейчас вздрогнула. Старик, худосочный, прямой как шест, с длинной седой бородой, болезненным высохшим лицом, крючковатым носом и бельмом на одном глазу, как нельзя лучше походил на сказочного злодея. Седые, чуть желтоватые патлы его были забраны под серебряный обруч с крупным темно-вишневым камнем. Рубинчик дешевенький – определила я наметанным взглядом, но карат достаточно, на черном рынке за полтинник уйдет. С незнакомцем мы пристально разглядывали друг друга, так собаки присматриваются к противникам, прежде чем устроить кровавую свару. Может, я ни черта не чувствовала магии в проклятом замке, становясь будто бы слепой, но колдуна в старике признать все же сумела.

– Она Берегиня, – вдруг прервал тягостную паузу тот и заставил мое сердце пропустить удар.

Комната уже не просто кружилась – вертелась как окаянная! Берегиня Иансы – проклятое имя, которое я безуспешно пыталась забыть. Все вернулось на круги своя, от судьбы не ускользнешь. Полтора года назад я была уверена, что история с Ловцом Душ закончена и похоронена под пологом скрытой деревни. Как жестоко я ошибалась! Как глупая, я тешила себя надеждой, что навсегда сотру из памяти ненавистное заклинание, забуду и отрешусь от него. Не вышло, не срослось. Прошлого снова нагоняло меня и теперь затягивало в водоворот несчастий, сплетенных из уже случившихся событий.

– Я не Берегиня, – спокойно соврала я недрогнувшим голосом. – Я прочитала только одну часть Ловца.

– Она лжет, – опроверг мои слова старик, пронзив острым, как арбалетная стрелка, взглядом.

Я в восхищении, честное слово, глаз у мерзавца всего один, но сколько в нем экспрессии!

– Да вижу, что лжет, – раздраженно бросил граф.

– Лгу? Присмотришься получше! – с вызовом заявила я, даже чуть хмыкнув. – Хотя, старик, что ты можешь увидеть?

– Знаешь, Наталья... – Василий скрестил руки на груди и задумчиво прошелся по комнате. – Можешь считать себя счастливицей, что все-таки прочла заклинание.

– Отчего же?

– Только это сейчас спасло тебя от расправы. Ты сама посуди – если ты, Наталья Москвина, не та, кто мне нужен, то я, несомненно, припомню некоторые обстоятельства нашей прошлой встречи. Я начну? Ты убила ясноокого Александра. Ты спалила мой замок. Из-за тебя едва не умерла Соня – новую выпь пришлось искать долго и мучительно, старую сожрал Евсей и сам едва не погиб на пожаре. Кстати, хвост у него с горел почти до жо... Кхм. Как ты думаешь, насколько сильна после всего того моя неприязнь к тебе? – Он говорил спокойно и размеренно, будто обсуждал со мной погоду или же достоинства скаковой лошади.

– Неприязнь? Красивое слово и очень вежливое. Мне больше нравится «ненависть», – хмыкнула я. – Но все твои обвинения – пустышка.

– Да что ты? – Лопатов-Пяткин обернулся так резко, что пришлось отступить на шаг. Его глаза, мгновение назад черные и глубокие, превратились в змеиные желтоватые щели с вертикальными сокращающимися зрачками.

– Не испугал, – растянула я губы в усмешке. – Такого я насмотрелась в Иансе. Так о деле? Твой брат Александр погиб гораздо раньше моего появления в твоём гостеприимном склепе. Твой дракон одурел от заточения в темнице и едва не сожрал тебя самого. Выпь самым идиотским образом влетела в стену и подохла, когда пыталась полакомиться моей плотью. Ну Евсей и вовсе фигура нелепая, удивляюсь, как он еще не оскоромился вами всеми. По очереди.

– Ты только что подписала смертный приговор, – прорычал Василий мне в лицо.

– Все равно не страшно, – прошипела в ответ ему я. – Ответь – зачем тебе нужна Берегиня, и, может быть, я перескажу тебе проклятое заклинание. Оно охладит твой пыл?

Лопатов-Пяткин тут же приутих.

– Ты нужна моей армии. – Он нехотя отошел от меня, видно все еще сожалея о том, что не воспользовался таким удобным случаем свернуть мне шею. – Мои люди воспрянут духом, если сама Берегиня Иансы будет с ними рядом!

Признаюсь, нелепый ответ сбил меня с толку. Отчего-то я считала, что Берегиня – не более чем Хранитель, в которого превращается человек, прочитав заклинание Ловец Душ. Но я же не нашла своего дракона, да и не искала, а значит... Собственно, что это значит?

– Армия – это та жалкая кучка бездарей, притащивших меня сюда? – полюбопытствовала я.

– Армия? – ослабился Василий и тотчас резко раскрыл пыльные портьеры.

В жутковатую полумглу кабинета ворвался дневной свет.

Я приблизилась. В окне виднелись серое дождливое небо, низкие облака, врезающиеся в горизонт, и там, вдалеке на холмах, будто белые цветы распустились шатры, а между ними сновали сотни людей, похожие на суетливый рой мух.

– Это армия, – произнес граф с чувством, и его губы чуть дрогнули в злорадной ухмылке. Когда он повернулся ко мне, то уже торжествовал: – Ответь мне, что может быть сакраментальнее человека, победившего свою природу и ставшего Хранителем дракона?

– У меня нет дракона.

– Я разрешу тебе выбрать любого, какого пожелаешь, Берегиня. – Василий, вероятно, чувствовал себя полновластным хозяином мира, и в этой своей уверенности походил на сумасшедшего. – Для чего было отнекиваться, если можно договориться просто, быстро и без болезненных взаимных угроз?

– Ты что же, извиняешься?

– Тебе ничего не грозит. Ровно до того момента, пока ты будешь оставаться с нами, – почти дружески поведал Лопатов-Пяткин. – Авдей поможет тебе не сбиться с верного пути.

– И чем же мне поможет Авдей? – глумливо осклабилась я, окинув колдуна тяжелым взглядом. – Наверное, прочитает слезливую проповедь? Я угадала?

Граф лишь усмехнулся на мой очередной выпад, совершенно его не тронувший, и коротко кивнул колдуну, отдавая безмолвный приказ.

Авдей двигался неожиданно быстро и ловко. Я даже вздрогнуть не успела, как он схватил меня за руку, до боли вывернув ее, а в следующую секунду холодный металл обхватил запястье. Вскрикнув, я вывернулась, оттолкнув старика. Он налетел на стол и сшиб давно высохшую серебряную чернильницу, бумаги, тут же разлетевшиеся по полу, а также тяжелую мраморную печать для сургуча. Я же неловко завалилась в кресло, обитое вытертым бархатом, и словно увязла в мягких подушках.

На руке болтался широкий медный браслет с тонкими острыми кромками. Поводок. Кажется, теперь мне стало страшно. Такие уродливые побрякушки надевают на каторжников в рудниках, чтобы не сбежали, а подвязку – обычно тонкое простецкое колечко – отдают надзирателю. Сделай лишний шаг, перетяни подвязку, и с легкостью останешься без руки или ноги – смотря куда прицепят. Но часть плоти оторвет не сразу – сначала кромки только сожмутся, врезаюсь в кожу, потом медленно разорвут сухожилия, раздробят кости. И ты никак не сможешь это остановить, ведь больше ты себе не хозяин.

– Спасибо, что на шею не нацепили, – угрюмо высказалась я, рассматривая «украшение».

Василий крутил между пальцами тонкое колечко, разглядывая его почти безучастно. Но мы оба понимали – под внешним безразличием прячется бурлящая злая радость. Он мечтал расквитаться со мной с тех самых пор, как я случайно узнала о его тайнах. Авдей, синюшный и трясущийся, облокотился о столешницу, очевидно растратив все силы.

– Что, колдун, сердечко шалит? – хмыкнула я, пытаясь выбраться из мягкого плена кресла.

– Наталья! – Граф надел кольцо на мизинец. – Пока поводок длинный, но станешь паясничать – укорочу! – И вдруг рявкнул излишне резко: – Степан!

Дверь моментально открылась, впуская Хранителя внутрь. Он остановился на пороге и не решался сделать шаг, боясь запачкать грязными сапогами и без того плохо вычищенный серый ковер на полу. Выглядел Степан до странности скованным и напряженным. Только потом поняла – он боялся графа до трясущихся поджилков, подгибающихся коленей, и ничто не могло изменить этого.

– Степан, к вечеру собери отряд Натальи у парадного входа. Мы выйдем поздороваться.

– Мой отряд? – насторожилась я, наконец-то встав на ноги и оправляя рубаху.

– Ты же не думала, что война тебя не затронет, – хмыкнул граф. – Или ты действительно так думала? Глупышка, право слово.

Странное, однако, у графа чувство юмора.

Мне выделили бывшую комнату Ефросиньи – девицы-выпи. Не скажу, что смутили. Постелили бы на лавке в подвальных казематах – наплевать. Спать хотелось до умопомрачения.

Посреди комнаты стояла лохань с горячей водой, притащенная лакеями для мытья, на кровати с балдахином лежали чистые порты и рубаха. В углу рядом с камином жалась худенькая девушка в великоватом платье и нелепом чепце.

– Тебя как зовут? – Я села на мягкую перину, стаскивая грязные сапоги и брезгливо откидывая их.

– Н-Наталья, – тихо пролепетала она.

– Наталья? Тезки, значит. – Не церемонясь, я спокойно стянула с себя перепачканную одежду, оставшись нагой и совершенно сконфузив несчастную. – Как же ты, Наташенька, ангел мой, в этот гадюшник попала?

Погрузившись по подбородок в теплую воду, я закатила глаза от блаженства. Служанка схватила мочалку, чтобы намылить мне спину.

– К деревенской работе не приучена. Слабосильная, вот в горничные и подалась. – Она ловко терла мои плечи.

От дурманящего запаха лаванды накатила сладкая дрема, и я даже не слышала, как распахнулась дверь. Только моя скромная помощница вдруг отпрянула от лохани, как черт от святой купели.

– Иди, – тихо произнес бархатный баритон.

Я напряглась, внутри все сжалось пружиной, и, чтобы не разразиться бранью, до боли прикусила губу. Наталья выскочила в коридор, будто ее подгоняли раскаленной кочергой, даже дверь за собой не прикрыла. Оплешность исправил сам Василий, громыхнув засовом.

– Что тебе надо? – Я оглянулась, увидав его черный камзол и золоченые пуговицы. – Поводок – не причина заходить сюда без стука.

Его ладонь закрыла мне рот, по мокрому плечу скользнуло горячее дыхание. Я судорожно вздохнула. Захочет надругаться – ничего не смогу сделать. Он сильнее, и еще он привязал меня магией. Прочно и надежно, не выбраться.

– Берегиня! Я дождался, теперь ты здесь. Ты веришь в мечты? Я грезил об этом дне! Тебе оказана великая честь!

– Я не верю в мечты, – пробормотала я, отстраняясь, – и слово «честь» мне мало знакомо.

– Могу представить лица Старейшин Иансы, когда мы появимся в деревне рука об руку, – продолжал шептать граф. – Наш с тобой источник будет самым терпким, самым сладким. Я горю в предвкушении отведать его аромата.

– Я гляжу, тебя это необычайно возбуждает? – Я зло отвернулась, и мои мокрые волосы стеганули его по лицу.

– Неужели, глупышка, ты ничего не знаешь об Источнике Иансы? – хмыкнул он, а потом поднялся и добавил: – Я тебе расскажу обо всем. Ночью.

И, отворив дверь, стремительно вышел.

Я сидела дура дурой в лохани, тряслась и чувствовала себя загнанной в угол мышью, а потом разревелась от усталости, безысходности и всепоглощающего одиночества.

Страх Божий нашелся к вечеру. Он залетел в открытое окно спальни и, яростно цапнув меня за голую ногу, разбудил. За что заработал вежливый, но крепкий пинок. Я с трудом разлепила веки и не сразу поняла, где нахожусь. Комнату затопили сумерки, на меня черной закопченной пастью оскалился камин, но пол рядом с так и не убранной после моего купания лоханью уже высох. Холодный ветер залетал в окно и яростно рвал занавес.

Раздался тихий стук, а потом до меня донесся голос Назара, отчего-то побоявшегося войти в спальню:

– Ужин начался!

– Жратву в покои! – приказала я, не поднимая головы от подушки. – И закройте кто-нибудь окно!

Ответа не получила. Зябко поежившись, я встала и, натянув одежду, поплелась в столовую залу, находившуюся, если мне не изменяла память, на первом этаже.

Холл был ярко освещен. Мраморный пол блестел и отражал желтоватые блики от сотен зажженных свечей. Высокие двери столовой передо мной открыли двое лакеев в напудренных париках и новеньких ливреях.

За длинным столом я увидела всех старых знакомых, с которыми не пожелала бы встретиться и на том свете. Соня заметно подурнела, постарела и выглядела сейчас зрелой женщиной, уже растерявшей былую свежесть. Рядом с ней, рассматривая пустую тарелку, сидела белокурая девица с болезненным цветом лица и длинными нервными пальцами. Скорее всего, новая выпь. Напротив женщин расположился Евсей, князь Тульянский, коротко стриженный,

но с пышными огненно-рыжими усами. Он методично напивался, осушая бокал за бокалом большими жадными глотками. Ему подливали снова, а он всякий раз монотонно опрокидывал в себя рубиновый напиток, даже не думая закусывать. Признаться, князь мне показался излишне одутловатым и помятым. Похоже, подобные возлияния давно вошли у него в привычку.

Во главе стола развалился на стуле-троне сам граф, а рядом примостился болезный Авдей.

Я оперлась плечом о косяк и, окинув компанию насмешливым взглядом, излишне жизнерадостно произнесла:

– Добрый вечер!

Торжественная тишина превратилась в гробовую. Евсей не успел донести до рта бокал с вином, уставившись на меня красными полупохмельными глазенками. Даже сморгнул, дабы удостовериться, что перед ним не галлюцинация от принятого еще днем опиума. Соня, опешив, со звоном уронила вилку и захлопала ресницами, став такой же белой, как и выпь.

Страх, почувствовав одуряющий запах пищи, сорвался с моего плеча и, твякнув, шлепнулся посреди стола. Браслет Королевская Невинность на его шее сиял и невольно притягивал взгляды. Пока присутствующие с ужасом рассматривали диковинную зверюшку, водящую носом по тарелкам, и боялись пошевелиться, я уселась за стол как можно дальше от трапезничающих, начисто проигнорировав предложенный вышколенным лакеем стул.

Демон подумал еще некоторое время, облизнулся и резко вгрызся в ногу жареного целиком поросенка, обложенного яблоками. От неожиданности присутствующие вздрогнули, а граф, осторожно пригубив вино, тихо заметил, обращаясь ко мне:

– Хорошая шавка!

– Ну... С твоим Евсеем не сравнится, конечно.

Лакей положил мне в тарелку пару зеленых веточек петрушки и крохотную обжаренную картофелину.

Князь поперхнулся и стал медленно подниматься, готовый накинуться на меня с кулаками, зубами, когтями и что там еще имеется у вурдалаков. Ах да, забыла – с новым хвостом.

– Евсей, сядь! – спокойно приказал Лопатов-Пяткин.

– Сядь, Евсей, – ухмыльнулась я, без особого жеманства подкладывая себе из общего блюда истинно барское угощение – маринованные помидоры. – Ты не обижайся на меня. Мы с тобой в похожем положении, только ты шавка поневоле, а я по принуждению.

– Наталья, еще слово... – процедил граф, нахмурившись.

– Простите, граф, – я нахально улыбнулась, – я как-то запамятовала, на чьей руке подвязка.

После «дружественного» приветствия и обмена «любезностями» мои соседи по замку начисто потеряли аппетит. Евсей стал совсем уж судорожно хлебать вино, будто стоящая на столе бутылка была последней на земле, а Соня не могла заставить себя даже посмотреть на тарелку. Только Страх Божий с хрустом разгрызал свиные хрящики и вдохновенно чавкал. Поэтому появление уже знакомого мальчика-охранника Петра несколько развеяло угнетающую обстановку.

Он, как и давеча Степан, отчего-то побоялся пройти дальше двери, а потому переминался у входа с ноги на ногу, краснел и всячески старался обратить на себя внимание. Граф наконец заметил смущенного мальчишку, коротко кивнул, поднимаясь:

– Наталья, нам пора.

Изголодавшись за последние сутки, я никак не могла насытиться, а потому поднялась с неохотой, поспешно сунув в рот большой кусок курятины. Страх Божий, одурев от разнообразия блюд, набил пузо по самое горло и, пьяный от сытости, пялился на новую выпь Сони. Почуввав нечисть и, вероятно, испытывая некое чувство симпатии, он игриво расправил кры-

ля и сочно твякнул. К сожалению, девица его дружелюбных настроений не разделяла и лишь нервно мяла уголок скатерти. В состоянии общего напряжения мы с графом их и покинули, предоставив самим себе.

Василий быстро и уверенно шел по темным коридорам. Я едва успевала за ним, но старалась не отставать, боясь заблудиться в бесконечных пределах замка. В этой части цитадели, где все так же царил упадок, пыль и сквозняки, пахло по-особому – сырой старостью и все вокруг казалось заброшенным и ветхим.

Мы вышли на широкий балкон. Внизу открывался вид на бесконечные холмы, покрытые ночной тьмой. Ее рассекали отблески костров военного лагеря и белесые тени походных шатров. А еще дальше на горизонт наступала мощная масса леса, сливавшаяся с беззвездным небом.

Но двор, заново вымощенный каменными плитками, был ярко озарен светом факелов, и перед парадным входом, отремонтированным совсем недавно, толпились галдящие люди.

– Иди сюда! – приказал Василий, не оборачиваясь.

Стоило мне приблизиться к перилам, как гвалт тут же прекратился. Ко мне обратились суровые лица воинов. Они смотрели на меня испытующе и со странным ожиданием чего-то необычайного.

– Это твой отряд, – кивнул граф.

– Их не больше пяти десятков.

– Мне кажется, достаточно. Для начала.

– Да вообще-то маловато будет. А личную охрану дадут? – полюбопытствовала я.

– А надо? – усмехнулся Василий.

– Почему они так на меня смотрят?

– Они думали, что ты Оберег, – пожал тот плечами.

– Оберег?

– Мужчина.

– О, какое облегчение, – хмыкнула я, – да они просто разочарованы.

Граф широко улыбнулся, а потом вдруг заорал во всю глотку, так что я перепугалась от неожиданности:

– Берегиня Иансы с нами! Восслався, мир Хранителей!

И радостный победоносный вопль сотряс ночное спокойствие. Вознесся к затянутому черными облаками небу и разлетелся по округе.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь, чувствуя накатывающую волну необъяснимого всеобщего счастья.

– Я знал, что тебе понравится, – хмыкнул Лопатов-Пяткин, обняв меня за плечи.

Чуть отстранившись, я сбросила его руки и, по-прежнему улыбаясь, хмыкнула:

– Не обольщайся, дверь в спальню все равно будет закрыта.

А потом резко развернулась и скрылась в длинном бесконечном коридоре.

– Можешь затягивать поводок, – добавила я, не оглядываясь.

Итак, я, пленница, стала полевым командиром в немногочисленной, но свирепой армии графа Василия Лопатова-Пяткина.

Конечно, я не была монашкой и мужчины у меня были. Но отчего-то при мысли о графе в моей опочивальне на меня нападала какая-то странная брезгливость, будто он мог меня замарать.

Посему ко сну я готовилась почти как полководец к генеральному сражению. Свечи зажигать не стала. Для начала проверила засов. Тот, к неудовольствию, оказался хлипеньким, плохеньким, так и просился оказаться выбитым от самого легкого толчка. Потом долго простукивала стены в поисках упомянутого потайного хода. Присмотревшись к высокому комоду,

я уверилась, что тот может оказаться вполне приличной преградой, скажем, для вурдалака, решившего проникнуть ко мне ночью и порешить за прежние обиды.

Но придумать план спасения оказалось проще, чем претворить его в жизнь. Натужно пыхтя и надрываясь, я попыталась передвинуть невыносимо тяжелый комод. На втором верхке силы покинули меня, а расстояние до двери стало казаться непреодолимым. Протиснувшись между полированным деревянным боком и стеной, я уперлась руками в каменную кладку и попыталась отодвинуть махину всем своим весом. С протяжным жалобным скрипом комод подался еще на мизинец, собрав в сборки пыльный тонкий, как тряпица, ковер на полу. Потом вдруг одна гнутая ножка треснула, и, грохоча, громадина накренилась на один бок. Я перевела дыхание и вытерла выступивший на лбу пот. Ноги тряслись, а каждая поджилочка в теле ныла. Тогда-то в мою спальню и постучались. Я замерла в крошечной тьме, страшась пошевелиться. Стук повторился, уже настойчивее и увереннее, а мужской голос позвал в тишине:

– Наталья! Открой! Это Степан.

Тусанин?!

Я быстро подскочила к двери, отодвинула засов и выглянула в коридор. Хранитель поспешно удалялся, будто, пока я колебалась, открывать ли, он передумал и дал стрекача. В темноте раздавались его шаги.

– Эй! Подожди! – окликнула я его.

Он оглянулся и замер в нерешительности, а потом брякнул первое, что пришло в голову:

– Ты чего в потемках? Свечей не хватило?

– Некогда рассусоливать! Шевелись! – рывкнула я, снова скрываясь в спальне. К счастью, кроме нас двоих, в коридоре никого не оказалось.

Степан вошел, плотно притворив за собой дверь.

– Ты чего делаешь? – изумился он, глядя на то, как я изо всех сил стараюсь отодвинуть комод.

– Давай, помоги, коль заявился! – бросила я надрывно.

– У меня к тебе есть разговор, – проскрипел он, с натугой приподнимая скособоченную махину. – Берись за другую сторону, попробуем перенести! Ага!

– Говори! – согласилась я.

Удерживать махину на весу оказалось гораздо тяжелее, чем передвигать. Мы сделали три нетвердых шага и с грохотом уронили мебелишку на пол. Тут же хрустнула вторая ножка, со стуком деревянный угол уперся в пол.

– Зараза! – ругнулась я и махнула рукой. – Приступай!

– Мне сказали, что ты согласилась стать новым полевым командиром...

– Согласилась, – подтвердила я, нагибаясь и хватаясь за край. Внутри комода на вмести-тельных полках что-то перекатывалось и дрожало. – Давай. Раз, два, три-и-и-и... – Мы сделали еще два шага, третья ножка отвалилась сама собой и вдарила мне по пальцам. Даже через сапоги боль казалась невыносимой. – Че-о-орт! Мать... Черт!

Мы поспешно опустили тяжеленную махину, и та накренилась совсем уж жалостливо. Прыгая на одной ноге и морщась от боли, я простонала через слезы:

– Черт бы вас всех подрал!

– Ты сделала правильный выбор, – вдруг прервал мои стенания Степан и снова ухватился за комод.

– Что сейчас послала всех к дьяволу? Вот уж с чем не поспоришь!

– Берегиня Иансы, мы все чувствуем, это именно ты, а не кто иной, и мы счастливы, что ты присоединилась к нашему делу. К нашей войне!

– Послушай, Степан! – Мы снова схватились за развороченный комод и чуть попятиться, обогнув угол кровати. – Я что-то не понимаю, Берегиня – это болезнь, что ли, такая, и я должна быть рада, если ее вовремя во мне распознали?

– Ты, похоже, ничего не знаешь ни про драконов, ни про Источники?

– Как же, как же. Про драконов я все знаю. «Исканде ту дрэкон, сан сейвер Ианса» – так говорилось в вашем проклятом Ловце Душ? «Найди своего дракона, стань Берегиней Иансы». Ну что ж, дракона не нашла и не искала, но меня все равно выловили, на меня надели поводок, меня возжелали попользовать, и я теперь таскаю по комнате тяжеленную дуру... Поздравляю, господа, Берегиня Иансы с вами! Восслався, род хранительский!

– Наталья, ты о чем? – Степан более чем осторожно опустил комод.

В деревянном ящике что-то звякнуло, явно разбившись. Хранитель, смешавшись, глянул на меня, охваченный дурным предчувствием.

– О чем я? – От усердия и усталости я едва держалась на ногах.

Облокотившись на полированную пыльную крышку, я позволила себе отдышаться.

– Так о чем я? Ах вот, я о том, что вся ваша чушь о войне, Хранителях и Иансе – не более чем просто бредни больного воображения Лопатова-Пяткина! Ясно?! Он чего-то не договаривает! Да что там, он всех нас водит за нос, мошенник, а за пазухой вынашивает собственные планы. Ваша нелепая война – только прикрытие. А вот для чего – пока не разгадала.

– Я думал, ты с нами...

– О, конечно, я с вами, – хохотнула я, – ведь вы пригрозили меня убить. Хватай эту монстру, потащили вон к той стене! У нас тут по ночам вурдалаки бродят.

– А почему к той стене? – недоуменно спросил Степан.

– Нечисть через стены ходит. Не знал? Теперь нарисуй на своей палатке кресты, чтобы и к тебе не забрались.

– Разве ты не понимаешь, – не успокаивался Тусанин, – Хранители должны властвовать! Наталья, осторожнее! Не нажимай ты так! Ах, в живот ведь, в живот! Ну больно же, ядрена кочерыжка!

– Ты продолжай! Твоя бредовая история гораздо интереснее истории Лопатова-Пяткина! Давай! Что ты там говорил о «властвовать»? Властвовать будешь ты? Посмотри на себя, Степан, у тебя даже дома нет! А графа и вовсе прокляли да в замке замуровали! И вы будете властвовать?!

– Да, не все же твоему дружку на троне сидеть? – взвился Степан. – Осторожнее! Этот твой чертов комод! За каким ... ты его решила передвинуть к этой стене? Что за гребаная перестановка?!

– Ты от темы не уходи. – Я налегла на тяжеленную махину изо всех сил – Тусанин едва-едва удерживался на ногах, чтобы не завалиться на спину. – Скажи, что там мелешь про моих приятелей? Ты это про Давидыва, что ли?

– Про него, про него! Жаль, я его тогда сделать не смог, только личико подпортил! А теперь, глянь, все туда же! Король... Аккуратнее!

– Заело тебя, что ли?!

Мы одновременно отпустили каждый свой угол, комод шарахнулся об пол с таким грохотом, что, кажется, даже на дальних заимках владений Лопатова-Пяткина лесники услышали. Деревянный полированный монстр кособоко жался к стене, меньше всего напоминая идеальную преграду для ночной нечисти.

– Все, Степан, спасибо тебе за помощь, за беседу. Развлек, друг любезный, а теперь выметайся! – раздраженно заявила я, отплевывая прилипшую к губам прядку волос. Потом развернулась, и вдруг ноги, будто заколдованные, увязли в скомканном ковре, а в следующее мгновение я больно ударилась об пол, тихо пискнув.

– Пришлая! – испугался Тусанин и тут же, споткнувшись, растянулся рядом, крепко выругавшись. – Ты чего, свечи не могла зажечь?! О, батюшки мои, я все ребра помял!

Барахтаясь и еще больше путаясь в ковре, мы пытались встать на ноги, но тихий скрип двери заставил нас в мгновение ока замереть, а потом откатиться друг от друга с такой поспешностью, словно мы и вправду занимались чем-то недозванным.

– Наталья? – раздался недоуменный возглас Лопатова-Пяткина.

Лежа на полу, я подняла голову и глянула на его мрачную фигуру в черном камзоле, едва различив ее в темноте. Степан, успевший закатиться под кровать, был чуть живой от страха и конфуза.

– Наталья, ты чего на полу? – Граф нагнулся, схватив меня за руку, с легкостью поставил на ноги. – За ковер зацепилась? – догадался он, подошел к столу, где еще с вечера Назар оставил канделябр. – Ты зачем комод двигала? – удивился он. – А чего свечи не зажгла?

– Не... не надо свечей! – быстро замахала я руками.

– Почему?

Громкий чих Степана заставил меня прикусить язык. Зато Лопатов-Пяткин тут же получил ответ на свой вопрос. Он заглянул под кровать и даже во мгле узнал своего первого полевого командира. Надолго граф не задержался в моей опочивальне и ушел, кажется, сильно обиженным.

– Вот и рассказал про тайные планы, – вздохнула я, когда за Василием хлопнула дверь, и приказала Тусанину: – Вылезай.

Сама уселась на кровать и принялась разуваться.

– Он уже... – осторожно поинтересовался Степан, не рискуя так быстро покинуть убежище.

– Ушел, ушел, – досадливо перебила его я.

Чего ради надо было так напрягаться – перетаскивать комод, ругаться с Тусаниным? Все равно никому ничего не доказала, только Василия разозлила и себя в дурацком свете выставила.

– Уходи, Тусанин, – кивнула я на дверь, когда пыльный Степан выбрался из-под кровати. – Спасибо за помощь. Думаю, Евсей остолбенеет и передумает жрать меня, когда налетит на это чудовище!

Я широко зевнула и, не раздеваясь, завалилась на мягкие подушки.

На сегодня борьба закончена, а завтра будет новый день. Возможно, лучший, чем сегодняшней...

А следующий день не принес ничего хорошего и светлого, так и не оправдав моих ожиданий. Ни свет ни заря меня разбудил колокольный звон из Ведьминой деревни, что ютилась на другой стороне узкой беспокойной речушки Быстрянки.

После перетаскивания ночью неподъемного комода тело ныло, голова гудела. Поднялась я с трудом и большой неохотой. Рубаха смялась, будто лист бумаги, порты стали похожи на растянутую гармошку. Пол был ледяным, да и в самой комнате стоял мертвенный холод. За окном по-прежнему нависало серое угрюмое небо, а от ветра дребезжали стекла. Густой, как кисель, туман скрывал дальние холмы, одеялом стелился до замковых стен, окутывал их, придавая пейзажу завораживающую таинственность. Белая дымка наступала и на замок, где-то внутри нее разносились звуки пробудившегося двора: заливался лаем пес, мычали коровы, по брусчатке стучали деревянные колеса телег и раздавались голоса прислуги, давно и лихорадочно суетящейся.

Чувствовала я себя разбитой, а потому осторожный стук в дверь вызвал только досаду. Открывать я не торопилась, но, когда неизвестный снова заскребся, еще более боязливо, все же сдалась. За дверью оказалась худенькая и бледная от царящего в замке сквозняка и сырости давешняя служанка Наталья. Под моим тяжелым взглядом она совсем сжалась, стушевалась и

стала походить на побитую собаку. Большой чепец ее, с широкой лентой кружев, скособочился, а рукава платья были чуть длинноваты и подогнуты.

– Вас там граф... Василий Владимирович ждет. Говорит, что в лагерь ехать пора.

– В лагерь? – зевнула я и некрасиво почесала ягодицу. – У графа бессонница – в такую рань решил подниматься?

Наталья будто онемела, только вытаращила на меня большущие глазищи, не смея ни бежать, ни продолжать беседу.

– Мне бы умыться, – кивнула я.

– Ах да, хорошо! – Девушка почти радостно развернулась, сверкнув белой исподней рубашкой под темно-коричневым шерстяным платьем, и так понеслась по коридору, будто ее подгоняли метелкой.

Вразвалку, не торопясь, я спустилась во двор, где уже с полчаса маялась в нетерпении целая кавалькада. Помимо самого Лопатова-Пяткина я увидела и Степана, и двух мальчишек-охранников, восседавших на своих скакунах. Знакомый Петр, шибко помятый, с красными следами от подушки на мясистых щеках, ковырял в носу и потом облизывал палец. Второй, вероятно Иван, выглядел буквально ожившим Лулу Копытиным – такой же худой, несуразный, в черном щеголеватом камзоле и в сапогах с длинными, начищенными до блеска шпорами. Только на бледном лице парнишки уже проявлялась знакомая замкнутость, присущая исключительно всем Хранителям драконов.

Мое появление вызвало неоднозначную реакцию: граф даже не оглянулся, тут же прищипнул ладного бейджанского конька, поскакал к распахнутым настезь замковым воротам и исчез в густом тумане. Степан только хмуро кивнул, вроде неохотно поздоровался. А мальчишки уставились на меня во все глаза, ловя каждый шаг и движение рук.

– Бу! – ухнула я, издеваясь.

Они одновременно вздрогнули и потупили взоры, сконфузившись. Я уселась на лошадку, и та недовольно застригла ушами, чувствуя незнакомого наездника.

– Надо же, – хмыкнула я, обращаясь к Степану, – я думала, что после вчерашнего Василий тебя разжалует в рядового.

Тусанин на провокацию не поддался, только глаза сузились до щелочек да желваки на лице заходили.

– Зачем меня в лагерь-то тащат? – поинтересовалась я, очередной раз зевнув.

– Не все тебе в покоях бока пролеживать, – буркнул тот.

– Да? А мне нравится в покоях. Перины мягкие, еда сытная. Холодно только, зато сразу понятно – не адское пекло.

– Язва.

– Не спорю. Признайся честно, ведь вы имели с графом серьезную беседу поутру.

– О чем?! – не выдержал он.

– Ну не обо мне, конечно, – хохотнула я весело, – о плане разорения прекрасной богатой Окии. Хотя в общем-то разорять уже нечего – Давидыв и без вас разнес «решпублику» по камушкам. Вам только объедки останутся. Но это ничего, главное ведь править, а чем – неважно. Ведь вы рождены править! Да, мальчишки, вы тоже станете королями?!

Те как-то напряженно засопели, и, кажется, даже их лошадки застучали копытами по камушкам совсем осторожненько и деликатно.

– Кстати, Степан, сбрей ты эту бороденку, она делает тебя похожим на провинциального пьянчужку-дьячка.

Наговорив бессмысленных гадостей и окончательно испортив своим спутникам настроение, я почувствовала себя гораздо лучше.

В лагере жгли костры, пытаясь спастись от царствующей сырости. Пологи шатров колыхались от ветра. От холода заледенели руки – промозглый ветер залетал в широкие рукава

душегрейки. От тумана волосы как будто стали влажными. Стоило выехать за пределы замка, магия словно покрывало окутала меня. Жасминовые ароматы пьянили, а зеленоватые огоньки амулетов у встречных вызвали почти нежность. Дрова пахли ворожкой, видать, на них плескали зелье, чтобы мокрые горели. Заговоренные мечи да ножи даже через ножны отбрасывали магические тени, вырывавшиеся сквозь тонкие незаметные глазу дырочки крохотными лучиками. Мне казалось, будто последние сутки, проведенные в проклятой обители Лопатова-Пяткина, мне не хватало воздуха, а теперь вот глотнула полной грудью – да захлебнулась от счастья.

Нас встретили безразлично, не выказывая ни радости, ни досады от появления сразу двух полевых командиров. Мы проезжали мимо хмурых, измотанных ожиданием похода воинов, жаждущих действия, боя и крови. А потом вдруг кто-то шепнул нам вслед: «Берегиня...» – и шлейф из настороженных взглядов завился следом. Встречные опускали головы, старались отойти с нашего пути, словно мы все были обезображены проказой.

И как гром среди ясного неба вдруг распотрошил общее замешательство вой дракона, заставив меня вжать голову в плечи, а сердце тревожно екнуть. Следом за нами стали раздаваться мужские голоса и зазвенело железо. Где-то в небесах хлопнули тяжелые крылья тварей. Я задрала голову и через хлопья белой дымки разглядела два вытянутых серых тела, нападавших друг на друга. Они словно старались столкнуть противника с небес.

– Что такое? – выдохнул Степан.

Воины уже подались куда-то за большой замызганный шатер, а там, словно бойцовые псы, жестокие и кровожадные, сцепились двое Хранителей, сменивших людскую личину на настоящую, демоническую. Они бились насмерть, легко увертываясь от взаимных ударов и тут же нанося новые, не менее яростные. Вокруг них образовался круг из сочувствовавших, но никак не влезавших в конфликт соратников.

– Хватит! – заорал Степан, спешиваясь. – Разой-тись всем!

Он растолкал плотное кольцо мужчин. Драконы в небе злобствовали, атакая, а Хранители, потеряв разум, захлебывались яростью и бешенством.

– Довольно! – тихо, но как-то очень грозно повторил Тусанин, и, к моему изумлению, бесчинство прекратилось.

Задиры, тяжело дыша, сверлили друг друга полными ненависти желтыми глазами со змеиными вертикальными зрачками.

– Разойтись! – рявкнул Тусанин собравшимся. У него даже вены на шее выступили от ярости. – Что за цирк вы тут устроили?! – прошипел он на этих двоих. – Стервецы, не хватает, чтобы мы друг друга поубивали!..

– Ваша армия состоит из отборных головорезов, – хмыкнула я позже, когда мы достигли расчищенной площадки, где проходили тренировки. – Могу поспорить:, эти двое не так давно мотали срок на какой-нибудь вашей хранительской каторге.

– Отчего же, – вдруг смутился тот, – тут есть и наемники... из людей...

– Ага, значит, про каторгу не отрицаешь?

Тут-то мы увидели графа. Скрестив руки на груди, он без особого восторга следил за бойцами, мельтешащими на посыпанной песком арене. Видать, военная подготовка армии его не впечатляла. Василий представлял собой фигуру одиозную и даже грозную. Скорее всего, от его внимательного взгляда бойцы шибко тушевались, а потому не показывали особых навыков и ловкости. Спешившись, я передала поводья лошади мальчишке в широкополой шляпе, тот для чего-то услужливо поклонился, заставив меня недоуменно пожать плечами.

– Наталья, – позвал меня граф, приглашая присоединиться к созерцанию весьма необычных акробатических трюков, выделяемых худым воином с бородой, заплетенной в косичку. – Это моя личная охрана, – кивнул он.

Но не успела я встать рядом, как Василий громко окрикнул тренировавшихся Хранителей:

– Друзья мои, теперь, когда Берегиня Иансы стала моим полевым командиром, она может показать нам свои умения и потрясти всех.

Я вылупилась на графа, пытаюсь узреть в его почти идеальных аристократичных чертах признаки сумасшествия. Как известно, кто ищет, тот всегда найдет. Одна складочка возле рта показалась очень уж подозрительной, словно окончательно подтверждала поставленный Василию диагноз.

– Давай, Наталья, выходи на ринг. Ты можешь выбрать любого воина для демонстрации.

Мужички, слетевшиеся на бесплатное развлечение как пчелы на мед, выглядели до омерзения внушительно. Все плечистые, тяжеловесы; как один, бородатые. Кулачища – с мою голову.

Я кашлянула и не нашлась что сказать. Выбрать того худого, что ли? Так он вон как ногами дрыгал да на руках ходил. Один раз развернется – и все. По-любому мне крышка.

Браслет на руке тревожно дернулся, медленно сжимаясь, он словно предлагал поторопиться с выбором партнера.

Я буквально ринулась на ринг, будто меня в спину толкнули, и еще раз огляделась в поисках жертвы.

– Ну хорошо, – вздохнул граф и мягко махнул рукой.

По его приказу в песочный круг вступил высоченный здоровяк весом не меньше десяти пудов.

Я растерялась, попав в столь дурацкое положение. Оставалось лишь тянуть время в ожидании собственного убийства. Подумав, скинула душегрейку, оставшись лишь в тонкой измятой батистовой сорочке, отчего тут же заледенела и шмыгнула носом. Потом закатала рукава, чувствуя себя преглупо под мужскими выжидательными взорами. Решив, что тянуть время бессмысленно, я подняла глаза на здоровяка, сделала к нему шаг... и он неожиданно попятился. Сначала только чуть-чуть, потом вдруг сиганул назад перепуганным котом и бросился вон с ринга, заставив плотный круг любопытных тут же рассеяться, словно бы спасаясь, а меня – открыть рот от изумления.

– Кто следующий? – выдавила я из себя, поспешно оправляя рубаху, а потом натянула и душегрейку, отряхнув от песка.

Отчего-то желающих не нашлось. Мужички жались, кое-кто с самым озабоченным видом поторопился прочь, вроде как был занят чем-то до крайности важным.

– Они меня боятся? – обратилась я к графу.

Тот в отличие от меня удивленным вовсе не выглядел, только пожал плечами да развел руками. Степан покосился на меня задумчиво и опасно, а мальчишки, следовавшие за ним всюду хвостиками, посмотрели на меня с таким открытым ужасом, что смешно делалось. Это ж чем я их так всех перепугала? Хотя постоите, догадываюсь: именем – Берегиня Иансы.

Ксена Травкина все знали грозным, безжалостным воином. И он очень-очень гордился, что попал в личную охрану к графу. В драку всегда лез первым, бил тоже первым, первым же начинал кулаками махать на пьяных оргиях. Только сейчас смалодушничал. Не смог приблизиться к Берегине даже на шаг, не выдержал ее страшного взора. Да, ее мертвые холодные очи так и говорили: «Убью тебя сейчас, Ксен Травкин, и заберу твоего дракона! И будешь ты ходить по земле духом бестелесным, пока не решу тебе вернуть его!» Пропади пропадом этот граф! Не собирается Ксен ему в угоду жизни лишаться! Слишком молод еще! Не пожил, не покурлесил! Пусть смеются остальные, что худой девки испугался, зато непокалеченным остался и даже бороду не подпалил!

Чудная приключилась ночь. Мне казалось, будто засов открылся сам собой и кресло, которым я подперла дверь с вечера, плавно взлетело к потолку, потом с грохотом рухнуло на

пол посреди комнаты. И на пороге появился Авдей – высокий сухой старик, длинные седые патлы его разметались по плечам. Я хотела вскочить, крикнуть, выгнать мерзавца из спальни, но тело больше меня не слушалось. Руки и ноги будто бы налились свинцом и стали тяжелыми и неподъемными. Колдун, казалось, встал рядом с моим ложем и глядел со странной жадной. Резким движением он рванул на моей груди рубаху, даже ткань треснула, а потом вытащил Ловца Душ на длинной серебряной цепочке. Пальцы Авдея, кривые, с узловатыми суставами, нежно поглаживали розоватую трубочку. Он беззвучно шевелил губами, видно читая заклинание, и вдруг из рубина на его ободке брызнул красный свет, ударил прямо в глаза, и мне представилась картина еще более необычная и противоестественная.

Будто бы стояла я посреди какого-то зала, отделанного белыми мраморными плитами, а вокруг меня склонили головы незнакомцы в черных балахонах, и лица их были прикрыты широченными капюшонами.

А из круглого отверстия на сферическом потолке лился зеленоватый магический свет с мириадами крохотных танцующих огоньков. Внутри него кружилась неясная тень, медленно-медленно тая, словно предрассветный туман. По залу разнесся дружный испуганный вздох, и чей-то приглушенный голос твердо, но с заметной ноткой горечи молвил:

– Источник умер. Пришло время Оберега. Введите Елену, пора новый Источник создавать...

Женщина вошла тихо, низко опустив голову, так что длинные распущенные волосы закрывали лицо. Грубая льняная рубаха доставала почти до пола и лишь чуть-чуть выказывала точеные формы. Сопровождавшие ее люди – белесые тени в ритуальных одеждах – отступили на шаг. Фигуры участников не шевелились, никто не обернулся в сторону будущей жертвы, сохраняя благоговейную тишину, только знакомый голос обратился к ней:

– Елена, мы дали тебе силу. Теперь пришло время возвращать.

Незнакомка, высокая и статная, резко вскинулась. Русые волосы красивой волной легли на плечи. Она была поистине прекрасна, но только мертвые светлые глаза с черными точечками зрачков глядели так, будто иголкой кололи.

«Ясноокая!» – вдруг поняла я.

– Разве можно ждать от Старейшин чего-то иного? Кроме, пожалуй, лжи? – Ее губы искривились, словно произнесенные слова оказались слишком горьки.

С гордостью, высоко подняв голову и пряча ужас, сквозивший в каждом скованном движении, она сделала шаг прямо в мою сторону. Непроизвольно я отодвинулась, уступая ей дорогу. Но когда женщина прошла мимо, то я не почувствовала ни шевеления ветерка, ни запахов, словно бы вокруг все было мертво.

Елена остановилась у алтаря, выточенного из цельной каменной глыбы, скинула рубаху, оставшись в совершенной ослепляющей наготе, и тихо хмыкнула:

– Забирайте! – А потом величественно легла на плиту, направив взор куда-то ввысь, к немому холодному небу, заглядывавшему через отверстие в куполе.

Фигуры приблизились в немой тишине, и неожиданно громкий крик заставил их помедлить, а меня изумленно обернуться. В черном прямоугольнике прохода стоял юный Василий Лопатов-Пяткин. Тонкое аристократичное лицо искажала гримаса ужаса и горя.

– Не надо! Не смейте!!! – орал он как умалишенный. – Моя Елена!

Один из присутствующих скинул капюшон, и я узнала в нем Старейшину Иансы, которого видела в деревне у ступеней храма в ночь перелома года.

– Василий, ты знаешь, тому было суждено случиться. За все надо платить. За силу Оберега тем паче...

Потом вдруг видение исчезло...

Я снова взглядела в темноте колдуна. Он нехотя отпустил Ловца Душ, дотронулся длинным желтым ногтем до горящей кожи у меня на груди, а потом тихо произнес:

– Совсем скоро, Оберег, когда душа твоя омоется кровью, ты станешь моим. Только моим...

Я проснулась поутру как от толчка. За ночь тучи рассеялись, и солнечные лучи смело проглотили белесые хлопья тумана. Жизнь уже забурлила в замке со своей ежедневной и привычной энергией. Сладко потянувшись, я почесала немытую голову. Перепутав спросонья, дернула Страха за тонкий хвост, свисающий рядом со шнурком звонка, от чего тот недовольно зарычал.

Неожиданно меня как кольнуло. С замирающим сердцем я медленно подошла к окну. Окрестный пейзаж был пустым и одиноким. Голые холмы тянулись до самого горизонта, упираясь в полосу леса. За ночь лагерь сняли. Люди Лопатова-Пяткина наконец дождались наступления на Торусь. В замке графа остались лишь два полевых командира – я да Степан.

Хранители ударили одновременно отдельными отрядами по всем областям, ввергая Окию в ужас и хаос. Будто саранча они прошли по деревням и селам, превращая их в пепелища. Вымотанная за последние полтора года безвластия, несчастная убитая Окия забилась в истерику, затряслась в лихорадке и потребовала от Главы Совета Свободной Окской Магической республики мирных переговоров.

Дела в республике шли ни шатко ни валко. После переворота полтора года назад прежде сильное государство находилось в упадке. Разорили казну, распустили армию. Новый избранный правитель, Денис Давидыв, не мог совладать с Советом, внутри которого после смерти небезызвестного мага Арсения Ивановича Потапова, бывшие его наперсники интриговали и грызли друг другу глотки. А люди жили в глубокой нищете, особенно сильно пострадав, когда золото попытались поменять на ассигнации – странные тонкие бумажки с цифровыми знаками, разорившие одновременно тысячи крестьян и зажиточных лавочников. С полгода назад едва не поднялся бунт. Люди стекались на Соборную площадь перед королевским дворцом и соорудили из ассигнаций, а заодно мебельных гарнитуров соседних с площадью купеческих лавок, костры, демонстрируя свое отношение к нововведению. Денежный проект Давидыва с треском провалился, пришлось вернуть в оборот золото.

Василий с самого утра объявил, что у него предчувствие – Давидыв всенепременно явится сегодня как миленький, с поклонами и уговорами. Уже неделю назад граф отправил с курьером коротенькое послание в Торусь, объясняя в нем, кто правит бал. Если до этого у врага Окии не было имени, то теперь оно появилось – Василий Лопатов-Пяткин, урожденный Хранитель драконов.

Он ошибся только во времени суток. Небольшой отряд Дениса, состоящий в основном из его приближенных и телохранителей, как доложили шпионы, появился в Ведьминой деревне лишь ближе к вечеру.

С нашей последней встречи я жадно следила за бывшим другом по газетным листкам, вывешенным на базарных площадях, прекрасно осознавая: не дала долгожданная власть Давидыву ни золотника уважения и спокойствия. Обиды на него уже не осталось, скорее какое-то нездоровое любопытство, смешанное со злорадством. И очень хотелось спросить у него, глядя прямо в лицо, как давным-давно он спросил у меня: «Скажи мне: теперь ты счастлив?»

Депешу о том, что Глава Совета Окии хотел бы посетить Василия в его «резиденции» (признаюсь, над этим словом я хохотала до слез), курьер принес затемно.

Но Давидыв удивил своим терпением – выдержав горделивую паузу, он появился лишь к середине следующего дня. Подозреваю, что окская делегация, решив продемонстрировать показное безразличие, провела некоторое время на деревенском постоялом дворе в обществе местных девок.

Я стояла на балконе и следила за тем, как открылись тяжелые ворота и на площадь въехала золоченая карета, запряженная четверкой породистых бейджанских жеребцов. Следом

за ней показался отряд стражей из Приокского Стражьего предела. Их встречали несколько личных охранников Лопатова-Пяткина во главе со Степаном Тусаниным, переодетым по случаю приезда высоких гостей в белую рубаху и относительно свежий кафтан. Возница натянул вожжи, экипаж с новым гербом Свободной Окской Магической республики остановился. К нему подскочил один из стражей в зеленом форменном плаще, поспешно открыл дверцу и разложил хитро приделанную ступеньку. Вот экипаж слегка накренился – и я увидела грузную фигуру, закутанную в темный плащ.

Давидыва было не узнать. За последние полтора года он сильно изменился.

Во дворе засуетились конюхи. Как сумасшедшие мельтешили служки. Спешившиеся стражи воровато озирались вокруг, замечая лишь вооруженных до зубов встречающих их людей. До меня донесся резкий окрик Дениса, раздававшего последние указания. Степан приосанился, готовый принять главу республики по всем правилам. На самом деле между ними был давний так и не разрешенный конфликт. После их стычки Степан стал слегка прихрамывать, а лицо Дениса украсилось отвратительным шрамом.

Мое сердце билось как сумасшедшее. Я сжимала вспотевшими ладонями поручни балкона и не могла отвести глаз от такого знакомого и в то же время совершенно незнакомого мужчины. Страх Божий, чувствуя мое необъяснимое волнение, почти перегнулся через перила, вцепившись когтями в мою рубаху и оттягивая ее, следил за происходящим внизу.

Денис со Степаном как давние враги лишь едва кивнули друг другу. Тусанин, не давая глашатаю развернуть длинный свиток, жестом предложил Денису следовать за ним в замок. Прежде чем подняться по мраморным ступеням, Давидыв, будто почувствовав мой алчущий взгляд, глянул наверх. Я испуганно отшатнулась и поспешила скрыться в коридоре, оставшись, слава богу, незамеченной.

Гостей встречали в большой бальной зале, наспех переделанной в полупустые приемные покои, по-королевски огромные и холодные. Сделано это было с единственной целью – пустить пыль в глаза. Граф восседал на высоком троне, который перетащили из столовой. По его правую руку стоял Авдей, облокотившийся на посох. Застарелая подагра и грыжа позвоночника не позволяли колдуну разогнуться. От боли он злобно поблескивал своим единственным глазом. По левую сторону от Василия стоял рыжеволосый Евсей, и в ярко-красном камзоле он выглядел балаганным петрушкой.

Я пронеслась по коридору и, согнувшись в три погибели, через низенькую дверцу прошмыгнула на тайный крохотный балкончик, на котором во время балов играли музыканты.

Шаги и голоса разносились эхом и до меня доходили странным скомканным гулом. Гости чувствовали себя явно не в своей тарелке, лишь чудом сохраняя видимость присутствия духа.

Когда глашатай вновь развернул свиток и стал зачитывать длинный список регалий Давидыва, приобретенных совсем недавно, с приходом к власти, сам глава республики обменивался мрачными взглядами с графом, изредка поглядывая и на Степана, застывшего у стены в обществе остальных Хранителей. Доморощенный глава в одну минуту прекрасно осознал, в какое змеиное логово угораздило его угодить. Сейчас в зале находились два его злейших врага, образовавшие без сомнения возмутительный союз, и на их стороне был перевес и преимущество.

– Постойте, – вдруг перебил граф бесконечное перечисление, – в зале не хватает еще одной персоны. Позовите Берегиню!

Клянусь, в этот момент все внутренности мне свернуло узлом и затянуло до болезненных спазмов. В моем нынешнем положении и именно в этом замке мне меньше всего хотелось встретиться лицом к лицу с Давидывым.

Я тихо покинула балкончик и сама пошагала к бальной зале, по дороге столкнувшись с высланным за мной Иваном, беспокойно мнущим в руках шляпу.

– Вас это... – Он поймал мой хмурый пронизывающий взгляд и застыл на месте как пригвожденный. – Вас в зал... того... к делегации...

– Да знаю! – Не останавливаясь и едва не толкнув горемыку, я пронеслась по коридору. В животе порхали бабочки, горло пересохло. Перед глазами все прыгало, будто во хмелю. Я толкнула высокие двери и с самым решительным видом вошла.

– А вот и ты. – Граф удовлетворенно кивнул, по его лицу скользнула затаенная усмешка. Давидыв резко оглянулся и обомлел. Я старалась смотреть не на него, только в очи Василия. Про себя я костерила Лопатова-Пяткина всеми известными выражениями, но по скользкому паркету вышагивала легко и задорно.

Нет, ну согласитесь, идиотская ситуация. Здесь еще не хватает нашего старого знакомого Савкова Николая Евстигнеевича, и будет полный комплект друзей и недругов, собранный мной во время прошлогодней заварушки с Ловцом Душ.

Я встала рядом с графом, закрыв от гостей пьяного и пошатывающегося Евсея (позорище, ей-богу), и только потом заставила себя обратить взор на бывшего приятеля.

Его рыхлое лицо, потерявшее четкость линий и прежнюю округлость, от правого виска до уголка губ было рассечено отвратительным красным расплывшимся рубцом. Фигура потеряла прежнюю легкость.

Ясные, почти синие глаза Дениса смотрели с неприкрытой неприязнью, все еще разбавленной неверием. Он даже моргнул, будто хотел отвести наваждение, надеясь, что я исчезну.

Куда там!

– Теперь все на месте, – удовлетворенно кивнул Василий, – пожалуй, можно начинать.

– Я хочу, чтобы девица вышла, – процедил сквозь зубы Давидыв. – Она объявлена в геспублканский гозык. По законам Свободной Окской Магической геспублики, вы обязаны выдать пгеступницу по пегвому тгеванию. Когда мы уедем, то забегем ее с собой.

– Не для себя ли требуешь, Давидыв? – осклабился Лопатов-Пяткин. – Здесь живут по моими законам. Наталья – мой полевой командир, она останется здесь. – Василий, отсидев себе зад, поерзал в кресле.

Нет, больше этого ненавидеть меня Денис не смог бы! Клянусь, он буквально захлебнулся бешенством, даже губы побелели. Была бы слюна ядовитая, непременно плюнул бы мне в глаза, чтобы убить на месте. На его лице ходили желваки, а пальцы сжимались в кулаки. До чего же мне стало приятно, словно бальзамом душу окропили.

– Хогошо, – проямлил Денис. – Я пгихал инкогнито. Официальная Тогусь не знает о моем появлении в замке.

Василий кивнул и небрежным жестом «позволил» ему продолжить. Сам между тем, шкодливо улыбаясь, повернулся ко мне и стал теребить выпуклую пуговицу на моих портах. По залу пробежали тихие удивленные шепотки.

– Я хочу знать... – Давидыв не спускал глаз с тонкой бледной руки графа, слегка поглаживающей мое бедро. Денис запнулся, откашлялся, потом четко, разделяя слова, словно ему было сложно говорить, вымолвил: – Я хочу знать пгичины, по котогым Хганители газвегнули военные действия. Погибло много мигных гааждан. Я...

Палец Василия игриво зацепился за карман портов, потом скользнул вниз до колена.

– Хганители... не выставляют никаких тгеваний...

Граф окончательно распоясался и положил руку мне чуть ниже спины, ласково и интимно хлопнув, отчего все в этом зале тут же решили, что мы любовники.

– Лопатов-Пяткин, обожги тебя комаг! – не удержавшись, рявкнул Денис, выходя из себя. – Немедленно пгекгати! Пгекгати заигывать с этой девкой! Мы с тобой не куличики лепим!

– Я в своем доме хозяин, – хмыкнул Василий, – и мне устанавливать правила. – Он перевел на Дениса холодный взор. – А все лишь подчиняются. Ты хочешь требования? Хорошо. Хранители требуют половину мест в Совете Окской Магической республики и все южные земли Окии по границе с Калужией, вплоть до Бейджании.

– Совершенно невозможно, – охнул Давидыв.

– Тогда мира не будет. Присылай своих послов, начнем долгие и нудные переговоры, дележ территорий, а в это время будут гореть деревни и погибать твои крестьяне.

Давидыв медленно наливался кровью, отчего-то буравя меня злобным взглядом, будто моими устами был вымолвлен отказ. Он резко развернулся и кинулся к выходу через расступившихся и обомлевших стражей. В царящей тишине раздавался сердитый стук кожаных сапогов. Дверь закрыли неожиданно, перед самым его носом. Денис отшатнулся и резко оглянулся.

– Мы уходим, Лопатов-Пяткин! И в следующий раз пойдём с войсками!

Граф медленно поднялся, сейчас он напоминал сытого кота, играющего с пойманной мышью.

– Тебя никто не отпускал. Наталья, как ты думаешь, он свободен?

Давидыв застыл как соляной столб, выпучив налитые кровью глаза, и стал сильно походить на надутую жабу. Я криво усмехнулась и, скрестив руки на груди, пожала плечами:

– Торусь не знает, что он здесь. Так ведь? Тогда для чего нам отпускать Главу республики, коль он по собственной воле приехал к нашему гостеприимному очагу?

Хранители скрутили Дениса и его стражу буквально в считанные мгновения.

Их всех посадили в казематы, даже возницу. Магов заковали в диметриловые наручники, отчего несчастные бились в болезненных конвульсиях от перекрытой силы. Стражей, обыскивая, раздели до кальсон, собственно в одном нижнем белье и кинули в холодные замковые подземелья. Глядя на грубую экзекуцию, которой были подвергнуты члены делегации, я злорадно тешила свое самолюбие, давным-давно поправленное Давидывым. Потом закрылась в спальне и выпила полбутылки вина за здоровье графа, выполнившего мою заветную мечту, и хорошенько захмелела. Поэтому, когда на пороге, тихонечко поскребшись в дверь, появился испуганный и донельзя красный Иван, я встретила его как давнего приятеля, предложив ему глотнуть вина прямо из горла. Тот так изумился, что стал мямлить:

– Там внизу... там вас... того... вы-вы-выз... просят. – Он замолк и хлопнул ресницами, а торчащие уши стали бордовыми.

– Иван, кто там меня видеть хотел? – Я, развалившись на кровати, некрасиво икнула и быстро запила терпкой жидкостью.

– Этот... Глава республики...

– Батюшки дорогие, Давидыв меня хочет видеть? – Теперь пришло мое время удивляться. – Вот так оказия! Проводишь?

Темные ледяные подвалы замка, практически не освещенные, оставляли самое мрачное впечатление и до слез походили на коридоры в тюремной крепости Торуси. Одно воспоминание о часах, проведенных в камере, опечатанной магией, заставляло меня зябко ежиться и произвольно оборачиваться, отыскивая глазами стражей в форменных плащах. Впрочем, стражи здесь имелись, но они, как пойманные звери, мерзли в клетках. Услышав шаги, узники встрепенулись, но, завидев меня, угрюмо отходили от решеток и посылали мне в спину едва слышные проклятия.

Идиоты, можно подумать, если бы я не поставила точку в диалоге графа и Главы республики, то их бы отпустили на волю живыми и невредимыми!

Давидыва посадили и вовсе в отдельное крыло, где уже давно хозяйничали крысы да гуляли сквозняки. Перед камерой на стене прикрепили почти гаснущий факел, и на пол постелили немного соломы для удобства пребывания дорогого гостя. Когда мы подошли к клетке, Денис поднял кудрявую голову и мучительно долго глядел мне в лицо потрясающе синими глазами, будто хотел смутить.

– Иди, – только и сказала я мальчишке, а тот уже припустил на выход, словно за ним гналась выпь.

Его шаги смолкли, и мы остались в гулкой тишине.

– Ты просил меня прийти? – Я отхлебнула из горла и заложила свободную руку в карман.

– Что ты с собой сделала? – вдруг сдавленно произнес Давидыв, медленно подходя к прутьям.

– Меня побрили наголо чуть больше года назад, – шмыгнула я носом, – вот волосы никак не отрастут.

– Я не про волосы! – поспешно отозвался бывший приятель. – Посмотри на себя, что с тобой?! Кем ты стала?!

– Кем я стала?! – Признаться, мне вдруг сделалось смешно. – Я осталась прежней, Давидыв. Я все та же воровка. Кстати, про браслет Королевская Невинность слышал? – Судя по вытянутому лицу Дениса, тот не только слышал, но и горевал о его пропаже из королевских закров. – Моя работа! – Удовлетворенная улыбка растянула мои обветренные губы. – Вот кем стал ты, Денис? Скажи мне, ты счастлив теперь?

Он молчал, я продолжала кривляться:

– А давай выпьем с тобой за твоё счастье! А?

Я протянула через прутья бутылку, а в следующее мгновение Денис до боли сжал запястье и с силой притянул меня, хорошенько шарахнув о клетку. Глиняная бутылка выскользнула из ослабевших пальцев, по полу растеклось винное пятно. Через сырость терпко и сладко запахло алкоголем.

– Не кочевгайся пегедо мной хотя бы! Я же тебя как облупленную знаю! – прошипел он мне в лицо. – Что тебя заставило связаться с гаафом? Помнится, ты его на дух не пегеносила.

Я попыталась вырваться, но в Давидыве будто какая дьявольская сила проснулась.

– Неужели не понимаешь, тебе уже виселица гвозит за все, что ты натвогила! Он газжег войну, а ты ему пособничаешь, глупая маленькая идиотка! Неужели ты не осознаешь, за мной все равно пгидут! Я же тебе не служка какой-нибудь, а Глава геспублики! Почти коголь!

– Послушай ты, король... – Я снова попыталась рвануть назад, но не тут-то было. – Неужели ты не понял: мне плевать с высокой колокольни на тебя, на Хранителей, на Окию! Эта война не моя, а ваша! Я же в ней просто выживаю!

Давидыв дернулся, будто я вlepила ему пощечину, и перевел взгляд на широкий медный браслет на моем тонком запястье, вмиг узнавая магические кандалы.

– А это, – кивнула я на поводок, – для того, чтобы я выживала на правильной стороне!

– А какая сторона пгавильная? – прошептал он, отбрасывая мою руку и брезгливо обтирая свои пальцы о неряшливо вылезший из портов подол порванной сорочки.

– Та, где грозят убедительнее. Зачем ты хотел меня видеть, Денис? Думал старые времена вспомнить? Так вот, я их прекрасно помню! Все до мельчайших подробностей, поэтому не жди от меня жалости!

Он резко отвернулся, а потом ушел в глубь камеры и уселся на грязную солому. Похоже, аудиенция названного короля Окии для меня закончилась.

Выбравшись из сырых подземелий, я жадно вдохнула, не чувствуя царящей вокруг вони скотного двора. Меня колотило, а в горле встал горьковатый комок. Прежние обиды, нанесенные Давидывым, вдруг очнулись в душе. Все его слова отозвались внутри спазмами, словно кто-то тронул открытую рану, и тело скрутила невыносимая боль.

Я поспешно пересекла двор, торопясь скрыться от соглядатаев, с любопытством посматривающих в мою сторону.

– Зачем ты в казематы ходила?

Резко оглянувшись, я увидела Авдея, облокотившегося на свою палку и стоящего изваянием в тени прачечной. Уверена, что в полном теле длинного посоха колдуна пряталась остренькая сабелька.

– А тебе какая печаль? Может, пленников хотела освободить?

– Смотри, расскажу Василию, и станет твой поводок покороче, – пригрозил мне Авдей.
– Рассказывай, – хмыкнула я, скорчив ехидную улыбочку. – Только тогда сам к графу и на аршин не приблизишься.

Старик сощурил единственный зрячий глаз. Я в насмешку поклонилась и отвернулась, собравшись уходить, но услышала, как он буркнул себе под нос:

- Запомни, я слежу за тобой, девка.
- Я за тобой тоже, – хохотнула я, не оборачиваясь.

Надеюсь, от моих пустых слов Авдея хорошенько затрясло, а его больное сердце пропустило несколько важных ударов.

Сначала мне показалось, что это во сне так яростно и злобно завыл дракон. Но неожиданно задрожали стены и задребезжали стекла. Я вскочила как ошпаренная, испуганно оглядывая затопленную ярким светом комнату. Камин едва тлел, зато за окнами вспыхивали и гасли огненные всполохи, озарявшие спальню. Замок будто ходил ходуном. С каминной полки, жалобно тренькнув, упал канделябр. Слетел с резного столика графин и, звякнув, рассыпался в стеклянную крошку, оставив на полу бордовую винную лужицу.

В тот же момент кто-то громко и яростно забарабанил в дверь. Засов жалобно скрипнул, готовый поддаться внешнему натиску. Потом из коридора раздался громкий крик Степана:

- Пришлая, немедленно отопри дверь!

Я молнией натянула порты и кинулась открывать. Хранитель заскочил в спальню, высоко поднимая факел, и осветил серые стены. Быстро подбежал к окну, приказывая на ходу:

- Одевайся! На замок напали!
- Кто? – Я поспешно натянула сапоги на босые ноги.
- Стражи пришли твоего приятеля спасти! – ругнулся Степан, разглядывая охваченный огнем двор.

С улицы доносились крики. Высокие замковые ворота тряслись от внешнего натиска. В крышу конюшни врезался огромный огненный шар, и пламя споро окутало строение. Вместе с драконьим воем задребезжали стекла.

– Вы что, не можете справиться с шайкой стражей? – вскричала я, пытаюсь безрезультатно надеть легкую куртку и в спешке натягивая левый рукав на правую руку.

- Если бы с шайкой! – мрачно заметил Степан, выталкивая меня из спальни.

Мы неслись по пустому коридору, а сверху сыпался песок и отлетала едва подсохшая после ремонта побелка. До нас доносились испуганные вопли, разбавленные руганью.

- Вон они!!! – заорал кто-то вслед нам.

Я оглянулась на бегу. В самом конце коридора появились стражи в зеленых форменных плащах.

- Быстрее! – Степан схватил меня за руку, заставляя бежать еще быстрее.

В спину ударила теплая волна, отбрасывая вперед. Не удержавшись, я налетела на Тусанина. Тот, едва сохранив равновесие и не замедляя темпа, несясь дальше, протащив меня с добрую сажень коленями по шершавым камням.

- Уходят супостаты!!! – голосили стражи.

Коридор вильнул и выпрямился в узкую темную кишку, открывая нас для точного магического удара.

- Они снова начнут колдовать! – прохрипела я, задыхаясь. – Тут попадут...

– Еще посмотрим, кто кого! – процедил Степан, и сжал амулет-щит, болтающийся на шее, активируя его.

Факел давно потух, поэтому помещения заполняла ядовитая полумгла, пахнувшая пылью и старыми шторами. За нашими спинами раздавался топот, яростные выкрики стражей. Рядом со мной, избородив стену и брызнув в глаза мелкой каменной крошкой, пролетело невиди-

мое заклинание, которое оставило внушительный продолговатый след в кладке. Другой разряд, отраженный от щита, окутавшего Степана, ударился в огромную старинную люстру на потолке. Тяжелая цепь рассыпалась прахом, и деревянное колесо с грохотом рухнуло за нашими спинами, едва не придавив нас. От страха я вырвалась и, пригнувшись, закрыла руками голову.

– Не останавливайся! – рявкнул Степан, оглядываясь.

Я припустила за ним. Люстра надежно перекрыла узкий коридор, на некоторое время задержав наших преследователей и позволив нам скрыться за очередным поворотом. До меня только донеслись возмущенные вопли стражей, покрывающих матом своего неловкого начальника.

– Сюда! – Степан точным движением утопил в стене камень.

С громким скрежетом, даже зубы свело, отодвинулась кладка, раскрывая спрятанный за ней потайной проход.

– Осторожно – тут ступени! – Тусанин схватил меня под локоток, боясь, как бы я не оступилась и не свернула себе шею.

Задыхаясь и обливаясь потом, я шагнула в кромешную тьму, не видя ни зги, а только ощущая горячие пальцы Степана на своей руке и слыша его шумное дыхание.

Стена медленно закрывалась, отделяя нас от коридора, но в щели неожиданно мелькнул желтоватый свет факела.

– Они ушли в проход! – донеслось извне.

Снаружи яростно долбили стену и доносились голоса, похожие на ворчливое бормотание. Но стоило спуститься в подземелье, как нас окутала пустая тишина, контрастирующая с оглушающим грохотом замковых помещений. Нахлынул зябкий холод, остудивший горящее огнем лицо.

Мы оказались в бесконечно огромном подвале, заполненном тысячами потемневших от вечной сырости прямоугольных колонн-опор, поддерживавших основание замка. В пятидесяти саженьях, спрятанный за рядом свай, мелькал крохотный огонек. Эхом до нас доносились голоса, с приближением они становились все громче.

Нас поджидали граф с колдуном, здесь же жалась в сторонке заплаканная Соня, неожиданно постаревшая на несколько лет, ее пышные плечи обнимал растерянный Евсей.

Денис, скрученный двумя дюжими Хранителями, яростно мычал через кляп во рту, похоже сооруженный из первой попавшейся под руки грязной тряпки. Завидев меня, он утроил свои старания и попытался вырваться или, на худой конец, лягнуть своих тюремщиков, за что получил увесистый подзатыльник и лишь расшвирился еще сильнее. Похоже, оплеуха была не первая, на лице Давидова уже имелся один кровоподтек, а губа была и вовсе разбита.

Признаться честно, со сна я с трудом понимала происходящее. Картинки мелькали и менялись. От холода подземелья меня трясло. Я ошалело оглядывала подельщиков. Граф хмуро кивнул сгорбившемуся Авдею, судорожно схватившемуся за посох:

– Приступай!

Тот достал из складок серой рясы хрустальный шар диаметром чуть покрупнее яблока, а потом неожиданно (мы со Степаном даже шарахнулись в сторону) рубанул посохом в воздухе, растревожив холодную волну, и ударил им оземь. Пыль разбежалась красивыми волнами, будто круги по воде. Поднявшийся ветер осыпал нас мусором и взметнул полы одежд. Старческие синеватые губы колдуна бормотали заклинание. Из шара брызнул белый неживой свет, какой бывает от энергетических светильников. От слепящего сияния, вытягивающегося в овал с желтой сердцевиной, все непроизвольно прикрылись.

– Евсей, Соня! – приказал граф, указав в проход.

Соня испуганно оглядела нас, а потом заломила руки, глаза ее наполнились слезами.

– Я не пойду! Моя девочка убита! Я должна взять хотя бы кусочек плоти...

– Мы найдем тебе новую выпь! – прошипел Василий, выходя из себя.

Время не ждало, стражи в любую минуту могли открыть проход и ворваться в подземелье.

– Я... я... Ты монстр! – вдруг взвизгнула ведьма так, что я даже крикнула от неожиданности. – Я никуда с тобой не пойду! Тебе наплевать на меня!!! – Женщина вырывалась из дружеских объятий опешившего Евсея, не ожидавшего от боевой подруги таких колленец.

– Соня, быстро! Иначе останешься здесь! – процедил сквозь зубы Лопатов-Пяткин, от бешенства его лицо сморщила злобная гримаса. – Мы ждать не будем!

– Нет! – Ведьма стала белее полотна и попятилась назад. – Нет! Мне нужен кусочек ее плоти... Мне... Я никуда не пойду. В эту дыру... Этот человек, – она ткнула трясущимся пальцем в Авдея, – он нас всех хочет погубить! Я не позволю... себя!!!

Колдун задрал подбородок, отчего его легонькая седая борода встала дыбом.

Неожиданно ведьма развернулась и припустила вон от нас, неловко подобрав длинные юбки нелепого аляповатого платья. Граф зарычал от злости и, схватив Евсея за шкуру, с силой пихнул князя в светящийся проход.

– Вон они!!! – вдруг раздался громкий вопль, донесшийся до нас даже через свист ветра.

– Быстро! – просипел Авдей.

Хранители подтащили упирающегося Дениса. Тот, почувствовав близкое спасение, извивался как змея, не желая быть поглощенным световой дырой.

– В проход!!! – заорал граф, и его глаза-вишни стали по-змеиному желтыми с сокращающимися вертикальными зрачками.

Денис, горемыка, никогда не видел, как Хранители, обычные с виду люди, превращаются в жутких монстров, а потому уставился на него и затрясся. За что получил очередную оплеуху от охранников и против своей воли нырнул в портал. Следом за ним, торопясь, прыгнул Степан, для чего-то перекрестившись.

– Они уходят!!!

Я обернулась на чей-то возглас и едва не вскрикнула – стражи были рядом, на расстоянии магического удара. Один из преследователей уже обхватил бьющуюся в истерике Соню, наматывая на кулак ее длинные волосы. Двое других неслись к нам, обнажив наточенные клинки, и яркий свет прохода падал на оружие. Четвертый страж, присев на колено, сложил руки домиком, посылая в нашу сторону магический разряд.

– Встретимся на другой стороне! – Граф быстро нырнул в портал.

– Шевелись! Время уходит! – прорычал колдун. Его одежды развевались на ветру, а по руке с шаром разбежались выпуклые темно-синие, почти черные, дорожки вен.

Над моей головой пролетела горячая волна. К задрожавшему потолку поднялось удушающее пыльное облако, которое обволакивало нас и превращало приближающихся стражей в сизые силуэты. В очередной раз я прокляла замок, забирающий у меня ясноокость.

– Прыгай! – приказал Авдей, а сам так и зыркал, будто хотел, чтобы я в подвале осталась.

Я сделала крохотный шаг, споткнулась, и могучая сила сбила меня с ног. Неожиданно перед глазами завертелись лица, колонны, потолок, грязный пол, зеленые плащи. Раздался и быстро затух чей-то отдаленный вскрик: «Колдуна лови!»

Потом глаза резануло яркой молнией, даже слезы выступили, а ресницы опалило. Авдей исчез, а я осталась лежать на ледяном полу, полностью обездвиженная и оглушенная заклинанием.

Нет ничего страшнее, чем стареющая на глазах женщина. Я имею в виду, стареющая в считанные часы!!!

Нас Соней приковали лицом друг к другу диметриловыми наручниками. Камень как всегда действовал безотказно, ускоряя во много раз процесс преобразования – ведьма извивалась от боли и изрыгала проклятия, превращаясь в сморщенную старуху с шелушащейся пергаментной кожей и выцветшими голубовато-белыми глазами. От одного ее вида мне становилось тошно.

Стражи и вовсе старались не смотреть на открытую повозку, в какой нас повезли по всему Торусскому торговому тракту в назидание встречным путникам. Скорее всего, отряд костерил всевозможными именами своего начальника, набожного до слез, придумавшего для нас, преступниц, подобную кару. Он сам уже был не рад – морщился и отводил глаза.

Путники сторонились, заслышав грязную брань, потоком льющуюся из искривленного рта старухи, поспешно крестились и бормотали себе под нос заговор «от бесноватости».

А в Салотопке случилось форменное безобразие. Нас встретили всей деревней с криками и улюлюканьем, будто долгожданный цирк-шапито. На ступени местной церквушки вышел священник в компании трясущегося дьячка и торжественно освятил крестным знаменем нашу повозку, отчего Соня вымолвила такое страшное ругательство, что толпа озверела и закидала наш поезд гнилой картошкой. Главный в отряде заработал алую шишку посередке лба и стал походить на сказочного единорога. Стражи искренне пытались сдержать издевательские ухмылки, но стоило пострадавшему отвернуться – прыскали в кулак.

Соня продолжала хрипеть до самой Торуси, пока не потеряла голос. Потом, к моему облегчению, затихла и лишь едва слышно поскуливала от боли. Ее руки разъело до крови, и густые бордовые капли падали на подол длинного уродливого платья и на мои порты.

Меня же беспокоило одно-единственное обстоятельство: насколько сильно Василий затянул поводок? Ведь пока на мне были диметриловые наручники, магия не страшила, а лишь стоило их снять... Даже думать об этом не хотелось.

В Торусь мы въехали ночью, но, несмотря на поздний час, нас тут же отправили к Главе Стражьего предела. Теперь мы маялись в маленькой полутемной коморке, а дородный Главный страж Окии, страдающий одышкой, красный от ярости и бессилия, поминутно глотал кипящую воду прямо из графина и беспрестанно спрашивал:

– Где Глава республики?!

Вопрос относился ко мне. Соня, измученная диметрилом, не могла открыть и рта, только изредка стонала, закатив глаза и облокотившись на спинку шаткого стула. Хорошо, что нас разделили и заковали каждую в свои наручники, от ее конвульсий даже меня ломало.

– Я не знаю, – искренне ответила я, вымученно улыбнувшись.

Всего нескольких секунд, пока меняли кандалы, хватило, чтобы браслет на руке заметно сжал запястье, до боли врезаясь тонкой медной кромкой в кожу.

– Не знаешь?! Неужели твои поделщики не делились своими планами?! – Мужчина кашлянул в рукав. Его грязные жиденькие волосенки дыбились вокруг блестящей лысой макушки.

– Да поймите, – сопато промямлила я. От пыли заложило нос, и разбирала чихота. – Я такой же узник, как и Денис! Я же на поводок привязана! Гляньте вон, привязана! Гляньте! – Я ткнула под нос стражу скованные руки. – Как можно было предположить, что я замешана в похищении?

– Ты воровка!!! – взвизгнул Глава, так шарахнув кулаком по столу, что подскочил мраморный письменный прибор и очнулась Соня. – Ты в розыск объявлена!

– Воровала, признаю, – кивнула я. Страж было восторжествовал, по крайней мере маленькие заплывшие глаза радостно блеснули. – Но это было в прошлом! – Мужчина тяжело опустился на стул, схватившись за голову. – Я, между прочим, девушка приличная и училась в институте благородных девиц! По-немски говорю. У меня даже грамота об окончании была, пока не потеряла.

Несчастный глянул на меня сквозь пальцы почти с восхищением, я едва не прыснула от смеха. В разрезе рубахи Главы показался крохотный коричневатый камушек с черными точками. Гнусный амулет на супружескую верность, а рябь на поверхности появилась, скорее всего, после неудачных попыток снять эту гадость.

– Девочка, – вдруг ласково произнес страж, решив изменить тактику допроса самым кардинальным образом, – тебе грозит каторга или же лет сорок в исправительном доме. Зачем тебе жизнь губить? Поможешь – отмажу!

– Да я бы с радостью, – я даже слегка нагнулась для пущей убедительности, – да только действительно не знаю, где он.

Взгляд получился не дружеский, а привычно пронзительный. Главный, не удержавшись, стусевался и вдруг заорал так, что задрожали грязные оконца и жалобно тренькнул старый полупустой графин:

– Сгною!!! Обоих!!!

Соня завyla в голос, по-детски визгливо и пронзительно.

– Послушайте, милейший, – пожалала я плечами, – мое пленение чревато осложнениями для существующей власти. Это плохая примета. Открою секрет: когда меня последний раз попытались осудить, то в королевстве случился переворот. Теперь мы все живем в Свободной Окской Магической республике! Вот Главу республики схватили, а меня в казематы хотят посадить.

Главный вдруг позеленел и затрясся. Дрожащей рукой он схватился за графин и сделал внушительный глоток, подавился, брызнув мне в лицо, рванул верхнюю пуговицу узковатого форменного сюртука и слабо прошептал:

– Супостаты! Как смеешь?! – И заорал, задыхаясь и багровея: – Как смеешь ты, наглая дрянь, рассуждать о республике?! Чтоб ты сдохла, тварь! – закончил он обличительную речь, ткнув в меня толстым пальцем с грязным ногтем и вытаращив глаза.

– Какая пламенная речь, – раздался глухой, будто бы простуженный голос.

Главный резко замер, а потом медленно стал выпрямляться, глядя на того, кто стоял позади меня. Ей-богу, я изменилась в лице, сидела не шевелясь, как гипсовое изваяние. Из живота до самого лица поднималась горячая волна, в горле вдруг запершило.

– Когда привезли женщин?

– Ча-ча... – замямлил страж, а потом, сглотнув, пролепетал: – Два часа назад.

– Я просил, чтобы меня немедленно вызвали.

– Да, да, конечно. – Главный залебезил, выскочил из-за стола, приглашая вошедшего присоединиться к веселью. – Вот девицы живы, здоровы... В смысле готовы... говорят... вот.

– Выйдите! – приказал хриловатый голос.

Я замерла и настороженно ждала развития событий, посматривая на браслет.

– И старуху эту полумертвую отнесите наконец в камеру.

Двое молодцев, торопясь выслужиться перед высоким начальством, поспешно увели слабую всхлипывающую Соню, практически повисшую на их руках. Дверь за ними закрылась, и в маленькой пыльной комнате наступила тишина. На заваленном бумагами, залитом чернилами столе тускло горела масляная лампа. По облезлым стенам и высоким книжным шкафам с папками и свитками танцевали неровные тени.

Его присутствие ощущалось так остро, что становилось страшно.

Я ненавидела его всей своей душой. Ненавидела даже больше, чем Давидыва. Отчего-то тогда, год назад, обида, нанесенная Денисом, мучила не так сильно, как обида, нанесенная им, Главным магом Объединенного королевства Серпуховичей и Тульяндии.

Раздались твердые шаги, от напряжения бросило в жар, и как будто волосы зашевелились на затылке. И вот он, одетый в дорогой подбитый бархатом плащ, осторожно обошел стол и уселся напротив меня, жадно всматриваясь в мое лицо. В Савкове изменилось лишь одно – стало больше седых волос. Остальное – и колючий взгляд, и твердые складки, прочерченные от крыльев носа до уголков рта, и осанка – все осталось прежним. Меня сначала прошиб пот, взмокла спина, потом заколотило, словно от холода, и показалось, что от окна сильно тянет.

– Ты снова попала в дурную историю, – прервал он молчание.

– В твоих словах я слышу сочувствие?

Он обреченно покачал головой и хмыкнул:

– Ехидство – не лучшая форма защиты.

– А я и не защищаюсь, – пожалала я плечами, поерзала на жестком стуле, пытаюсь разместиться поудобнее. – Ты хочешь спросить, где Денис? Не знаю. Правда, не знаю.

– Не верится. – Он стал медленно снимать кожаные перчатки. Палец за пальцем, произвольно притягивая мой взгляд.

– Наплевать мне, во что тебе верится, – отрезала я.

Вот на свет появился мизинец с крупным камнем, красным ограненным рубином, как у Авдея.

– Если ты сможешь нам отыскать преступного графа Лопатова-Пяткина, то, возможно, тебя не повесят. Заметь, я сказал «возможно». – Густые черные брови над глубоко посаженными темными глазами-вишнями дернулись.

– Щедрое предложение, – я улыбнулась, – но совершенно бессмысленное. Поверь, от ведьмы будет больше толку... Возможно, заметь, я сказала «возможно», она что-нибудь знает. Со мной Василий не делился планами.

– Василий? – прохрипел Савков. Брови его сошлись на переносице, на лице заходили желваки. – Наташа, ты подписываешь себе смертный приговор.

– Уже подписала, но не здесь и не сейчас. Когда ты так нежно подружился с Давидывым? – перебила его я. – Помнится, ты его не слишком жаловал, сказать больше – откровенно не выносил.

– Это было давно, – пожал плечами Савков. – Настолько давно, что я этого даже не помню. Политика – хитрая вещь, вчерашние враги легко становятся друзьями. Ваш сумасшедший граф со своими шайками напал на крупные города Окии. Что ж, мы ответим – сожжем вашу ненаглядную Иансу.

– Ты сначала найди Иансу.

– Денис знает, где она, – нетерпеливо перебил он.

– Но ведь Денис сейчас у нас, – расплылась я в улыбке. – И не надо мне грозить. Как сказал твой новый лучший друг Давидыв, я глупая маленькая идиотка, запутавшаяся в большой игре королей. Просто меня снова поймали.

– Стража! – неожиданно гаркнул Николай, не спуская с меня пронзительного взгляда.

Дверь моментально отворилась. В комнатенку, тяжело пыхтя, ввалился Глава Стражьего предела, за его спиной несмело топтались два охранника.

– Увести! – кивнул на меня Савков и, натягивая перчатки, быстро встал.

– Чего к полу приросли?! – заголосил Главный, подгоняя молодчиков. – Забирайте девушку! Немедленно!

– Я не сказал «девку», Архип Матвеевич! – холодно отозвался Николай, потом вынудил меня подняться со стула, сжав руку чуть повыше локтя.

– Ну... да... – опять сконфузился Главный и неловко откашлялся. – Уведите госпожу... в ее спаль... камеру.

– Наташа, если решишь признаться, то просто позови меня. – Савков проникновенно заглянул мне в глаза. – Просто позови.

– Спасибо, мой спаситель, – криво усмехнулась я, вырываясь. – Я всенепременно позову тебя, когда буду стоять на виселице.

– Глупая маленькая идиотка, – хмыкнул он, отчего-то довольно улыбаясь. – Ведь ты ни капли не изменилась. Видать, жизнь не набила тебе шишек.

– Набила. Одну. Чуть больше года назад. Да такую, что до сих пор ноет, – зло отозвалась я.

Потом меня закрыли в крохотной камере-клетке, здесь же, при конторе Стражьего предела. Ее холодные каменные стены истекали ледяной влагой, сбегаящей, как струйки пота, от

самого потолка до грязных плит пола. В углу зияла дыра для естественных нужд, невыносимо воняющая нечистотами и заглушающая даже запах жасмина от магии, окутывающей прутья. Вместо ложа имелся грязный соломенный тюфяк, переживший ни одно поколение арестантов. К крюку в стене была прикреплена цепь, к ее концу приковали медный кувшин с вонючей зеленоватой водой. Пить хотелось невыносимо, но отведать здешней водицы отчего-то не тянуло. Соня тихо поскуливала в соседней клетке, окончательно измученная диметрилом. В голову приходила шальная мысль, что до рассвета ведьма не доживет – камень, перекрывающий любую магию, убивал колдунов и посильнее нее.

Наручники мне сняли, подозреваю, по велению Савкова, услужил друг разлюбезный по старой памяти. И теперь я со страхом наблюдала, как будто бы живой браслет, поблескивая зеленоватой дымкой, медленно уменьшает диаметр, все сильнее и сильнее сжимая запястье. Уверена, Лопатов-Пяткин специально затягивает поводок, чтобы не забыла о нашем договоре и помалкивала, когда следует.

Я поскребла зачесавшуюся ногу и задрала штанину, заметив красный волдырь от укуса клопа. Великолепно! Такой маленький тюфяк, что с блохами нам не поместиться. Поднявшись, я подошла к прутьям, окутанным магическим разрядом, и вдохнула привычный запах жасмина. Голова гудела от мыслей.

Колдуны. От них одни несчастья. Савков. Не думала, что мы когда-нибудь еще увидимся. Окия, какая же ты огромная, а, оказывается, оглянуться некуда!

В душе пышным цветом распускалась новая обида. Возможно, мы и не расстались друзьями, но после страстного признания в любви во время последней нашей встречи я рассчитывала на его понимание. Только Николай, не задумываясь, посадил меня в клетку под арест, уверенный в моем приговоре к смертной казни.

Я попала в незавидное положение, и исход меня тоже ждал нерадостный. Теперь я точно знала, что с Лопатовым-Пяткиным мы на одном берегу. Если бы Авдей, старый хрыч, прости, Господи, мое сквернословие, заблокировал удар стражей и не позволил меня обездвигить, то не попала бы я сюда. Видно, на меня сил не хватило, сам, поди, едва ноги унес. Ну что ж, придется ему потесниться на теплом местечке рядом с Василием. Осталось только избавиться от старика. Как говорила моя незабвенная мамаша, доверять колдуну – все равно что греть гадюку в кармане. Вот уж не поспоришь. Когда я уберу его с дороги, то никто не помешает нам с графом дружить против Савкова и Давидыва. А уж слова я как-нибудь подберу.

В карцере стояла тишина, разбавляемая лишь сирым дыханием Сони в соседней камере да редкими шагами стражей по узкому тюремному коридору.

Одуряющий животный вой налетел неожиданно, он будто вторгся в каменный мешок вместе с разбитым стеклом и сыплющимися острыми осколками, заполнил все вокруг, оглушая, волной ударил в голову. Пол дрогнул, уходя из-под ног, стены зашлись в нервной дрожи. Меня отбросило. Откуда-то издали доносился тоненький жалостливый визг ведьмы. Решетки внезапно согнулись дугой, а потом, заскрежетав, вернули прежний вид. Тряска усиливалась как по спирали, и меня невесомой букашкой бросало из стороны в сторону. Сверху сыпались раздробленные камни, в воздухе повисло удушающее облако пыли. Стоял жуткий грохот, заглушающий даже звериный вой за трясущимися стенами. На меня посыпались мелкие камни, особенно большой осколок с размаху саданул по плечу. От боли я вскрикнула и тут же сильно закашлялась.

Стена карцера, выходящая на вымощенную площадь, обрушилась, и через проем был виден бушующий пожар, охвативший соседнее здание городского казначейства. Едкий дым тянулся в мою темницу, удушая и заставляя слезиться глаза. Из последних сил я поднялась на ноги и кинулась к свободе, пахнувшей гарью и заполненной драконьим воем.

– Она уходит! – донесся испуганный крик.

Уже неловко перепрыгивая расколотые камни стены, я оглянулась. Рядом с моей клеткой метались стражи. Бешено жестикулируя, они старались снять с решетки магический заряд. Но из-за тряски в заговоренном замке слетела какая-то пружинка, и любой, кто пытался вставить в замочную скважину ключ, получал приличный разряд по пальцам.

Среди прочих через сизую дымку я увидела и перекошенное лицо Савкова, уже отдающего приказ своим остолопам не пытаться выломать прутья, а постараться поймать меня на улице. Прежде чем убраться из карцера, я послала ему воздушный поцелуй и припустила по разгромленным улицам к выездной площади, где высились стены Первостепенного храма.

В городе творилось страшное: площади и проспекты наводнила испуганная бурлящая толпа. Через людские вопли и гвалт прорезались резкие обрывочные выкрики военных, пытавшихся придать хаосу видимость порядка. Вокруг все горело и рушилось: что не разнесли драконы и Хранители, то разобрали на кирпичики обнаглевшие, не страшившиеся кары мародеры. В торговых лавках били стекла, выламывали двери. Тащили все, что возможно унести.

Колокола били тревожный набат. Стоило одному суматошному кличу успокоиться, как в какой-нибудь низенькой колоколенке нервно дергали за веревки, и снова разносился перезвон, подхватываемый другими звонарями. Так шавки в ночной деревне поддерживают общий визгливый лай, услышав протяжную волчью песню.

Растолкав локтями плотную стену народа, я выбралась в полупустой неосвещенный переулочек. Где-то за особняком, покинутым своими хозяевами, раздавался скрежет, а потом улицу накрыл мощный истошный визг толпы, разбавленный колокольным звоном. Мои волосы тронул теплый ветерок, и впереди, как сухой уголь, вспыхнула перевернутая телега. От мощной ударной волны огненного шара она подлетела на пару саженей. Я нагнулась, закрывая голову, а потом глянула вверх, ожидая увидеть в отблесках пламени огромное крылатое чудовище. Пустое небо, словно в насмешку над царящими на земле суматохой и ужасом, было заполнено несметным количеством желтых блестящих глазков, но рванул порыв ветра – и все заволокло серым облаком гари.

Я бежала, задыхаясь и не чувствуя усталости. На площади перед Первостепенным храмом было безлюдно. Мои шаги разлетались в странной угнетающей тишине, усиливаясь звенящим эхом. Проезд был абсолютно пуст, это обстоятельство показалось мне неправильным и противоестественным. Я сделала еще три неуверенных шага и остановилась. От пылающей телеги ввысь уходил столб дыма. Въезд перекрывала брошенная подвода. Оставленные открытыми купеческие лавчонки пятались безжизненными темными окнами. По площади были раскиданы картофель и раздавленные убегающими людьми пирожки. Лоток, сломанный, без продавца, валялся тут же.

Крылья хлопнули внезапно, этот звук резанул слух, даже спина взмокла. Я вскинулась – дракон сидел на главном облезлом куполе Первостепенного храма и беззвучно разевал пасть, скалясь в мою сторону и дыша смрадным паром. Его злобные желтые глаза блестели в ночи двумя светильниками. Попятившись, я почувствовала спиной чье-то присутствие и осторожно оглянулась. Второе чудовище стояло в нескольких саженях от меня и раздувало широкие ноздри, выдыхая струйки дыма. Дракон сделал ко мне медленный, будто ленивый шаг и махнул по брусчатке длинным хвостом. Я в панике сорвалась с места и услышала, как, царапнув камни длинными когтями, монстр припустил за мной. Когда он душераздирающе завыл, меня швырнуло ниц. Подставив руки, я кувыркнулась вперед, в кровь расцарапав ладони, и едва не свернула себе шею. В глазах потемнело, казалось, что жуткий вопль развеет меня на кусочки. Первый монстр сорвался с купола храма, разгоняя по площади мусор и пыль. Вот он опустил голову, и я увидела, как где-то в глубине черной глотки блеснул крохотный язычок пламени.

– Нет!!! – Ужасающий крик сам вырвался из моего горла. – Нельзя!!!

Я выставила вперед пораненные руки, словно бы защищаясь от смертельной опасности, и вдруг многопудовое драконье тело отшвырнуло неизвестной силой. Чудовище кувыркнулось,

как я минуту назад, и впечаталось в посеревшую стену Первостепенного. Раздался жуткий грохот, на землю полетели камни и куски штукатурки. Второй змей внезапно отскочил от меня на добрый десяток саженей, а потом вдруг ошетинился, подобно испуганной кошке, вытягивая шею и выгибая спину с топорщащимися на ней крыльями.

Тяжело дыша и скользя каблуками по брусчатке, я быстро поднялась на ноги и осторожно попятилась в сторону пустующего переулка, стараясь не спускать с чудовищ настороженного взгляда. Драконы шипели, скалились, но попыток напасть не делали. Не заметив фонарного столба, я с размаху налетела на него. Где-то в высоте задрожал стеклянный, чудом сохранившийся колпак, а потом раздался хриплый разозленный лай. Болотный демон, подобно мелкой подзаборной шавке, брехал на жавшихся драконов и делал в воздухе наскоки, впрочем не приближаясь к чудовищам ближе чем на десяток саженей. Как только я скрылась от опасности, он сиганул мне на плечо и лизнул в ухо.

Я резко столкнула его, за что он пребольно тяпнул меня за палец.

– Поганка! – Только и вышло охнуть. – Ты где был, когда на меня напали?! Шавка несчастная! – Демон, заливаясь лаем, кружил надо мной. Схватить его не вышло, Страх оказался проворнее. – Чтоб ты замыкал, гад! – плюнула я в сердцах. – Браслет отдай, тварь неверная!

Демон на прощание последний раз обиженно твякнул и скрылся за крышей соседнего особняка, пугающего разбитыми окнами и свисающими ободранными занавесками, а я выскочила на большую площадь в самую толчею растерянных обездоленных горожан.

Широкая главная улица Торуси превратилась в живую реку. Нагруженные повозки и кареты с привязанными к крышам сундуками выстаивали бесконечный затор. Верховые, едва удерживая коней, от нетерпения поносили на чем свет стоит хмурых озабоченных постовых, безрезультатно пытающихся регулировать движение.

Над городом повисла угроза, а внизу царила паника. На каждом лице был начертан священный страх за свою жизнь, за жизнь своих детей, родных и близких.

Из тихих, как будто осторожных шепотков я смогла понять, что Хранители налетели на Торусь подобно саранче, сметая все на своем пути. Это нападение оказалось фатальным. Городская стена не уцелела, королевский дворец стерли с лица земли.

– Они и на людей-то вовсе не похожи, – едва слышно шептала испуганная растрепанная женщина, прижимавшая к груди захлебывающегося плачем младенца. – Ну тихо, тихо, – уговаривала она его и в промежутках добавляла благодарным слушателям: – Глаза у них нечеловеческие, и сами похожи на демонов, а уж про драконов страшно вспоминать.

– Вот все думали, что они погибли, – вклинился в ее монолог невысокий мужичишка в потертом кафтане и с узелком в руках, – а они, гадуки, затаились по своим деревням и теперь напали...

Внезапно площадь накрыл испуганный людской визг, толпа качнулась, в ужасе устремившись к южным городским воротам. Началась давка, меня несло в потоке помимо моей воли. Я только боялась потерять равновесие. Стоит упасть под ноги обезумевших, больше похожих на взбесившееся стадо людей, как тебя моментально затопчут. Визг становился все громче, пока не перерос в одуряющий драконий вой, пронесшийся над головами. В толпу, как острие ножа в мягкое масло, врезались первые Хранители, отсекая испуганных, как кролики, горожан от выезда. Подкованные копыта коней подминали под себя несчастных, давили, словно бессильных букашек.

Утянутая в толчею, я следовала за людским потоком, не пытаюсь сопротивляться.

– Вот она, мы нашли ее наконец! – Сильные руки за шкуру подняли меня в воздух, а в следующее мгновение перебросили через седло, и я уткнулась лицом в твердое колено Степана Тусанина.

Переход от площади, наводненной испуганной толпой, к тихой ночной поляне, озаренной кострами, произошел настолько стремительно, что зарябило в глазах и закружилась голова. Сначала в лицо ударил ветер, потом кожу остудил влажный туман... И вот уже свежесть весеннего леса овевала меня. Степан разжал руки, я рухнула в объятия Лопатова-Пяткина, прижавшись спиной к его широкой груди. Вокруг нас собирался взволнованный народ. Василий опустил меня на землю и накрыл мои плечи горячими ладонями.

– Чего собрались? – проворчал мне в макушку граф, приказывая воякам: – Расходитесь! Завтра будем сниматься!

Хранители стали разбредаться. Ноги у меня совсем ослабели, в голове били барабаны.

– Как все прошло? – спросил Василий, когда Тусанин спешился.

– Все хорошо. Сейчас вернутся остальные.

Внезапно на поляну, взметая пожухлые листья и ветки, налетел резкий, пахнущий жасмином ветер. Шатры качнулись, костры, затухая, стали стелиться по земле. В звездном небе, будто потревоженные пенистые волны, за клубился зеленоватый магический туман, и из него показались окруженные колдовским свечением силуэты всадников в развевающихся длинных плащах. Меня взяла оторопь, едва колени не подогнулись. Но вот копыта коней-призраков коснулись земли, и через темноту я увидела знакомые лица вояк из отряда Степана Тусанина. Действие магии прекратилось, оставив легкий горьковатый привкус и зеленоватые световые круги перед глазами.

Хранители спешили и почтительно поклонились Василию.

– Пойдем, – Лопатов-Пяткин схватил меня под руку и потащил к большому шатру, – расскажи мне, что было.

– Меня даже не избили, как видишь, – пожалала я плечами. – Почему ты не спрашиваешь про Соню?

И без того хмурое лицо графа стало еще мрачнее, он упрямо сжал губы и ничего не ответил. Двое охранников отодвинули полог шатра, пропуская нас. Внутри горела чадящая лампа, стоял широкий топчан, покрытый бараньей выделанной шкурой, и большой старый сундук, окованный серебром с невиданным орнаментом.

– Соня умрет к утру, – убежденно заявила я и без спросу завалилась на топчан, чувствуя, как по уставшему телу разливается блаженная истома. Тут же захотелось спать.

– Черт с ней, с ведьмой! – проворчал граф. – Она оказалась настолько глупа...

– Она была твоей наперсницей долгие годы заточения, – возразила я, не испугавшись ярости, блеснувшей в его глазах. – На твоём месте я бы не разбрасывалась старыми друзьями, а вот новых побоялась бы... – Василий прищурился, уперев руки в бока. – Знаешь, почему я оказалась в Торуси? Твой колдун даже щита не поставил, когда нас в подвале осыпали заклинаниями. Сам убежал, а меня бросил на растерзание. Послушай, Василий, – я села, – будь с ним осторожен. Мой тебе совет – не доверяй ему. Он убьет нас всех.

– С каких пор ты стала доброхотом? – хмыкнул граф.

– С тех самых, когда поняла, что у нас с тобой общие враги. – Я поднялась и подошла к графу, пытаясь отогнать навязчивый образ Николая Савкова, будто витающий надо мной. – Мы с тобой составим неплохой тандем.

– Ты так считаешь? – хмыкнул он, подняв брови.

– Друзья? – Я протянула руку в знак наивысшего расположения.

– Браслет не сниму.

– А я и не прошу. – Я убрала руку в карман, чувствуя себя оплеванной. В душе колыхнулось возмущение, поэтому улыбка вышла несколько фальшивой. – Доверие приходит не сразу.

– Ну хорошо, – кивнул Василий. По всему было видно, что внутри у него происходит настоящая битва и он всеми силами пытается разгадать, какое же коленце я выкину в следующую минуту. – Только что ты будешь с этого иметь?

– Ну у меня свой резон. Отомстить. – Я сделала вид, что заинтересовалась букашкой, мельтешащей вокруг лампы, и выдержала паузу, достаточную, чтобы с достоинством спросить: – А какой у тебя был резон, заставивший искать меня по всей Окии? Ведь не для того, чтобы убить. Ты меня, конечно, позабавил этим своим заявлением, но не обманул.

– Я очень хочу, чтобы ты составила мне компанию в моем путешествии в Иансу. – В продолжение своих слов Василий так многозначительно улыбнулся, что не осталось сомнений: все непросто. Очень непросто.

В ответ я растянула губы в ленивой улыбке:

– Какие у тебя странные, право, желания. Для меня дверь в деревню закрыта на тридцать три запора. Меня оттуда выставили и назад вряд ли пустят.

– Неужели ты думаешь, что мы будем стучаться? – хмыкнул граф.

Я тут же поняла, что, без сомнения, кто-нибудь еще и погибнет.

– Я очень хочу, чтобы они все увидели нас вместе, друг мой, – многозначительно добавил он.

Так и есть, кого-нибудь обязательно убьют, и надо надеяться, этим «кем-то» стану не я. В идеале пусть им окажется старый колдун Авдей.

Наш небольшой отряд ехал в Иансу по скрытым тропкам, подальше от основных трактов.

Лично я считала, что Авдей мог бы и перенести нас поближе к положу скрытой деревни, как переправил из замка Лопатова-Пяткина, но колдун после ночной ворожбы чувствовал себя на редкость отвратительно и без сил лежал на подушках в карете. Через некоторое время Василий тоже перебрался в экипаж, утомившись от долгой езды верхом, и теперь изредка высывался в окошко, предлагая мне присоединиться к их теплой компании.

– Да нет, – махнула я рукой, – здесь воздух свежее.

А погода и вправду стояла редкостная. Зимний холод совсем сошел, и солнце дарило тепло, заставляя очнуться леса да веси. Весеннее небо было пронзительно-голубым с ватно-белыми облаками. У моих попутчиков обгорели лица, но они все же радовались редкому яркому дню. Только усталые лошади томились и исходили потом, недовольно отгоняя спутанными хвостами надоедливых мух. Страх Божий окончательно сбросил шерсть и теперь нежилась на солнышке, прогревая бока и сладко потягиваясь у меня на плече.

Настроение соразмерно погоде у всех было приподнятое.

Черт возьми, зная бы, какая трагедия разыграется, не торопились бы так...

Мы остановились на ночлег у большого торгового Вьюжного тракта, всего в двадцати верстах от неназванной столицы Заокии. Тихая прохладная ночь пахла странной смесью костра и влажной земли. Темные облака скрыли зарождающийся месяц и делали тьму почти непроглядной. Я совсем плохо спала, за время нашего путешествия удавалось лишь перед рассветом забыться на блаженные минуты, но стоило заре пробиться тонкой лентой на горизонте, как сон улетал, не давая отдыха утомленной душе и телу. Все, кроме меня да дозорных, расставленных по периметру лагеря, блаженно храпели. Даже накормленные овсом лошади дремали над своими кормушками. Демон и тот причмокивал во сне, а я сидела в темноте, таращилась на черное небо и зевала до хруста в челюстях, не в силах закрыть глаза.

Никогда не страдала бессонницей, а тут мучилась как проклятая с момента побега из пылающей Торуси. Конечно, можно было подойти к колдуну за магическим порошком, но кто сказал, что он не попытается меня отравить? Так, прикорнешь на минуточку и больше никогда не проснешься.

Охранники едва слышно переговаривались, настырно жужжали комары, в темноте ухнул филин, разбредив тишину.

Чужой костер полыхнул в нескольких десятках саженей от нашего лагеря. Я насторожилась, вытянулась в струнку, стараясь рассмотреть неожиданных соседей. И действительно, там, за деревьями, были люди. Скажу больше: один из них обладал магической силой. Колдовской

перстень на его руке сверкал так ярко, что подобно солнечному зайчику, выпущенному шкодливым ребенком из осколка зеркала, слепил глаза.

Я покосилась на расслабленных охранников. Те давно махнули рукой на излишнее бдение, собрались у костра и, пока не видел командир, Степан Тусанин, передавали по кругу бутылку с вином. Стараясь ступать как можно тише и замирая от каждой хрустнувшей под сапогом ветки, я пробралась к чужакам и притаилась в темноте. Они остановились у самого тракта (мы-то следовали по параллельно идущей проселочной дороге, настолько разбитой, что ось кареты уже два раза чинили), на обочине высился экипаж. Распряженные лошади, привязанные к деревьям, единственные почувствовали мое присутствие и разволновались, но их хозяйка, занятая приготовлениями ко сну, не обратила на их тревогу никакого внимания.

Четыре фигуры застыли вокруг костра, и по мрачным усталым лицам скользили желтоватые тени от всплесков пламени. В воздух поднимался сноп искр и опадал затухающим дождем.

– Не стоило останавливаться, – донеслось до меня.

Говорящий нагнулся и пошевелил палкой угли.

– Все утомились, – отозвался другой, сидевший спиной ко мне, хрипловатым, будто бы простуженным голосом.

Я чуть не крикнула от удивления. Савков Николай Евстигнеевич собственной персоной! Надо же, какое совпадение! Судьба привела колдуна в наши теплые дружеские объятия. Я тихонечко повернула обратно в лагерь, а стоило отдалиться на приличное расстояние – выпустила что было мочи.

– Степан!!! – Я затрясла храпящего Хранителя, завернувшегося в потрепанное, пропахшее сыростью стеганое одеяло. – Тусанин!

Тот что-то промычал в ответ, закрылся с головой.

– Степан! – Я хорошенько толкнула мужчину в бок и, едва уклонившись от ответной оплеухи, неловко уселась в прошлогоднюю листву. – Да вставай ты! – рывкнула я, поднимаясь и отряхивая порты.

– Пришлая? – Степан сонно прищурился. – Чего тебе надо?

– Дело есть, ты должен на это посмотреть!

– Ты вообще спишь когда-нибудь, сноброд? – зевнул он, натягивая одеяло.

Он почмокал губами и блаженно закатил глаза.

– Здесь Главный маг королевства Серпуховичей и Тульяндии! – прошипела я, ткнув его под ребра сапогом.

– Где маг? – Тусанин быстро сел и стал тереть глаза.

– Здесь! Рядом с нашим лагерем, – осклабилась я.

– С Серпуховичами война пока не затевается, – насторожился Хранитель.

– А я думаю, Василий будет в восторге, если с утра найдет рядом с Главой республики Главного мага Объединенного королевства.

Что бы ни говорил граф и какую бы хорошую мину ни строил в моем присутствии, он был шибко зол на нас троих – меня, Давидыва и Савкова. Мы единственные из случайных пленников замка смогли выбраться на свободу и по сей день оставались живыми свидетелями плачевного положения, в котором пребывал Лопатов-Пяткин долгие годы.

Меня он тронуть не мог. Пока. Ведь я сказала его союзником, к тому же до прибытия в Иансу убивать Берегиню по меньшей мере неразумно.

Давидыва он не прикончил по единственной причине – за Главу Окской Магической республики граф рассчитывал получить пуд золота и пустить его на вооружение своей грозной армии.

А Савков? Савкова, скорее всего, порешит и успокоится. И мне вовсе не жаль колдуна. Подсобил бы в Торуси – подумала, а так... «Просто позови меня...» Позови теперь меня, дрянь!

Дозорные, едва успевшие спрятать полупустую бутылку, второпях вернулись каждый на свой пост, провожаемые злобным взглядом невыспавшегося командира.

– Сколько их там? – обратился Степан ко мне, убирая в ножны небольшой широкий клинок из бейджанской стали.

– Я видела четверых.

– Тимофей, Матвей! Вставайте! – отдавал он тихие приказы, стараясь не потревожить лагерь.

Спящие рядом с костром вояки недовольно поднимались, широко зевая. Едва продрал глаза, они без слов и лишних обсуждений завязывали пояса и заряжали арбалеты. Вчетвером мы прокрались к соседней стоянке. На сборы у нас ушло немного времени, но путники уже спали, только дозорный сидел у огня, не давая ему погаснуть. Тихий лес ухал филинами и шумел ветром, мужчина зябко ежился и вглядывался в темноту, будто чувствовал наше присутствие.

Степан, не спуская с него взгляда, кивнул одному из Хранителей. Матвей, плечистый бородатый здоровяк, положил на локоть арбалет, прицелился и плавно нажал на спусковой крючок. С тихим щелчком железный болт-кругляш вырвался из гнезда, и через мгновение мужчина у костра с глухим стоном завалился на спину. Меня прошиб пот. Одно дело злорадствовать, что сейчас твоего недруга посадят в клетку, а другое – видеть, как погибает ни в чем не повинный человек.

Хранители стремительно кинулись к стоянке, будто серые тени. Я стояла, схватившись за дерево, и не могла заставить себя сделать хотя бы шаг в их сторону. Горло перекрыла противная слизь, и желудок жалобно сжимался в спазмах. До меня доносились далекие крики, чей-то свист, растревоживший дремлющий лес. Потом я услышала: «Он уходит!» Вспыхнул зеленый огонек, затрещало, ломаясь, дерево. На меня нахлынула жасминовая волна. Раздалось испуганное лошадиное ржание и крик Степана:

– Коней!

Я развернулась и бросилась в лагерь, уже из леса горлопаня, как обезумевшая:

– Колдун от наших уходит!!!

Лагерь моментально взбурлил и запенился. На тихой поляне в одно мгновение началось невиданное движение, больше похожее на хаос. Клянусь, ни один из Хранителей не разобрал, что за колдун, для чего и от кого он уходит, но ровно через три минуты все были в седлах и ордой кинулись к торговому тракту, загоняя лошадей.

– Куда? – заорал мне в спину взлохмаченный Лопатов-Пяткин, ошалело выскочивший из своей палатки. От злости он превратился в желтоокого уродца.

– За колдуном! – крикнула я ему, стараясь унять танцующую кобылу, и поспешила за отрядом.

Поднимая пыль, я пронеслась по тракту, следуя за маячившими впереди всадниками. Ветер бил в лицо, пузырил на спине широковатую душегрейку, заставлял жмуриться. Лошадь мчалась как сумасшедшая, заражаясь всеобщим безумием. Хранители давно превратились в демонов, скалились черными раздвоенными жалами и пялились змеиными глазами. Где-то вдалеке, громыхая, взрывались зеленоватые энергетические шары, посылаемые отбивающимся колдуном. На горизонте вспыхивало магическое зарево. Небо, затягиваемое дождевыми облаками, уже стало светлеть, заменяя ночь и превращая ее в серые неприветливые сумерки.

Вот первые преследователи резко повернули на развилке дороги и припустили через поле за одиноким всадником. Я осторожно спустила лошадку с дорожной насыпи, но все же отстала на приличное расстояние от своих поделщиков, скрывшихся в лесу, и догоняла их, лишь ориентируясь на отдаленные крики, разносившиеся эхом по округе.

Как назло вместе с налетевшим ветром хлынул настоящий весенний ливень. Укатанная широкая тропинка моментально стала скользкой, хрипящая лошадь спотыкалась и поскаль-

звалась. Дождь лил как из ведра, заменяя чуть занявшийся рассвет холодной полумглой. Одежда моментально вымокла, волосы налипли на лицо и лезли в глаза.

Глубокий овраг пересек лес настолько неожиданно, что я едва успела осадить разошедшуюся кобылку. Хранители стояли по краю обрыва, вскинув арбалеты и целясь в мечущегося внизу человека, захваченного в плотное кольцо. Савков, прихрамывая, будто загнанный зверь остервенело метался, боясь удара в спину. Его конь, упавший с обрыва, поломал хребет и теперь издавал душераздирающие вопли.

Степан наклонил арбалет и в тот момент, когда Николай сложил руки домиком, готовый послать магический удар в ответ, пристрелил жеребчика. Тот последний раз дернулся и застыл навсегда. От неожиданности Николай отпрыгнул от мертвого коня и, споткнувшись о корягу, грохнулся в ледяную жижу.

Сверху лил дождь, резкие порывы ветра студили и без того заочевенные пальцы. Степан кивнул и, кашлянув в рукав, приказал:

– Его надо заковать в диметрил, и возвращаемся в лагерь.

Деревня Дудинка, наш последний рубеж, располагалась всего в пятнадцати верстах от Иансы. Здесь уже давно квартировал один из крупнейших отрядов боевиков Лопатова-Пяткина в ожидании своего предводителя. С приближением к заветной цели Василий заметно нервничал и становился раздражительным. К тому времени как наш маленький отряд достиг наконец деревеньки, граф был мрачнее тучи.

Когда мы рано поутру миновали деревянный указатель с побледневшими буквами, то заметили, что нас уже встречают: местные жители вышли к нам крестным ходом с молитвами. Необразованный и суеверный деревенский люд искренне считал Хранителей, распоясавшихся на бесплатных харчах, демонами, посланными на землю за грехи правителей. Лопатов-Пяткин был хорошо наслышан о нелепых слухах. Поэтому, когда его, задремавшего в карете, разбудило громкое пение церковного хора, он пошутил – вышел и, беспрестанно крестясь, низко поклонился иконе в руках тщедушного дьячка. Шествие остолбенело, а я расхохоталась до слез, сгибаясь в седле и норовя рухнуть под копыта своей кобылки. Завидев моего демона, который сделал над головами селян красивый круг, заливаясь отвратительным лаем, толпа замолкла, сжалась и поспешно освободила дорогу. Страх спикировал мне на плечо и смачно лизнул щеку, после чего бородастый дьячок бессильно опустил икону, смирившись с нашим приездом.

– Наташа, заткни свою шавку! – рявкнул граф, брезгливо оглядывая заляпанные грязью и навозом сапоги. – А то всех местных перепугаем, придут ночью с вилами!

– Они и так придут, – пожалала я плечами и широко зевнула в кулак.

От бессонницы горели огнем глаза, будто в них песку сыпанули, голова беспрерывно гудела, и в теле поселились непроходящие усталость и ломота. Настрой колебался от плохого до отвратительного. Иногда хотелось завывать в серое небо, как это делал Страх Божий тоскливыми ночами.

Вновь прибывших разместили на постой по деревенским избам. Кому не хватило лавки в горницах, отправлялись на сеновалы. Меня же поселили в одной избе с графом и Авдеем. Немощный колдун, на глазах превращающийся в иссохшую мумию, сразу ушел в свою жировку, приказав перетащить туда кованный сундук, закрытый на большой амбарный замок и воняющий жасмином.

Граф быстро поднялся на крылечко. Деревянные ступеньки жалобно закрипели под его тяжелыми сапогами, а хозяйка избы, крохотная старушка, подбоченясь, внимательно рассматривала гостя.

Я спешила, передав поводья конюху Василию, который торопливо потащил мою уставшую лошадку к покосившимся сараям, чтобы затем распрячь четверку Лопатова-Пяткина. Вслед за нами приехала и старая телега, в которой вместе с походным скарбом в балаганной

клетке для медведей, прикрытой от нежелательных соглядатаев кожухом, везли связанных меж собой Дениса и Николая.

Граф кивнул на клетку:

– Наталья, оформи этих двоих и готовься, скоро поедem в Иансу! Бабка, умыться подай!

От названия «Ианса» у меня все перевернулось в странном волнующем предчувствии, я кивнула и крикнула вознице, указывая пальцем на серое шаткое строение, видневшееся из-за угла дома:

– Надо этих двоих в тот садовый сарай рядом с нужником определить! Вызови Степана, пусть его ребята помогут!

Тусанин с двумя своими приближенными, Матвеем и Тимофеем, появились тут же. Мужчины резко стянули тяжелый кожух, раскрывая наших пленников. Несчастные, отвыкшие за время поездки от дневного света, жмурили воспаленные глаза.

Оба приятеля выглядели отвратительно. Один, с кляпом во рту, после долгого утомительного пути перестал даже мычать, полагая, что доживает последние дни. Второй, измученный диметрилом, своим осунувшимся, белым как простыня лицом с черными тенями под глубоко посаженными глазами походил на поднятого из могилы усопшего.

Граф уже вошел в горницу, а бабка все еще стояла у перилец, осуждающе покачивая головой.

– Милая, – позвала она и буквально отшатнулась от моего тяжелого взгляда, полоснувшего по ее морщинистому лицу, – за что ж вы так касатиков?

– За дела хорошие, – коротко ответила я.

Денис злобно буравил меня глазами, не в силах исправить свое положение. Их с Савковым, тяжело переставлявшим ноги, сопровождали через затоптанный лошадиными копытами двор к саду. Пленники горделиво вырывались из рук Хранителей и, гремя тяжелыми кандалами и длинными цепями, шли сами, поддерживая друг друга.

Все-таки излишний снобизм не красит, особенно людей. Попросили бы, поселила б на сеновале, где сухо, мягко и тепло.

– Савков! – Я стояла – руки в карманы – рядом с садовой тропинкой и следила за переправкой узников в сарай. – Если захочешь чего-нибудь, просто позови меня. – Николаю будто пощечину влепили, в его глазах промелькнула неприкрытая ненависть. Усмешка тронула мои губы. – Слышишь, – повторила я им притворно сладким голосом, – просто позови.

– Да пошла ты, сука! – прохрипел Николай. Я безрезультатно старалась спрятать улыбку. – Позови меня, когда могилы себе будете копать. С радостью помогу.

Я с удивлением глянула на безобразие у себя под ногами и пожалала плечами:

– Копать могилы так копать могилы. Покамест ведите их в сарай! – Приказала я Хранителям, остановившимся в замешательстве.

Старуха-хозяйка по-прежнему стояла на крылечке, охала и вытирала краем косынки слезы, выступившие от ветра в ее прозрачных глазах.

– Ироды, – прошамкала она.

– Ох, и не говори, бабуль, – печально покачала я головой. – А тебе новые компостные ямы нужны? Две. Выкопаем в один счет. Только покажи где. – Бабка от удивления открыла беззубый рот. – И дай лопаты.

– Ой, лапушка, – обрадовалась она и тут же спохватилась, всплеснув руками. – А лопатка-то у меня одна! Ну ничего, я чичас у Еремки-соседа возьму.

Смотреть на то, как высокопоставленные пленники будут копать на огороде у Прасковьи Ефремовны компостные ямы, собралась добрая часть деревенской братии, прежний дячок и изумленные Хранители (те, что видели меня впервые и не совсем понимали, отчего девка, полюбовница графа, так шибко командует). Неповоротливый мальчишка Петр охранял

хлипкие двери старого сарая. Когда я с лопатами в обеих руках подошла к сараюшке, то он поспешно отскочил, будто боялся быть шарахнутым огородным инвентарем.

Сам маленький домик, полутемный внутри и с текущей крышей из-за давно не перестеленного дерна, пах старьем, которое в нем и хранила наша хозяйка. Пленники сидели каждый в своем углу, растянув до предела длинные диметриловые кандалы. Замечу, пристроились они в тех углах, где было относительно сухо. Денис хмуро следил за дождевой каплей с крыши, стекавшей в большую лужу посреди земляного пола. Савков опустил голову на поджатые колени, его дыхание было тяжело и сипло. На руках красовались кровавые раны, выведенные диметрилом. При моем появлении оба подняли головы и уставились с неприкрытой враждебностью.

– Вот! – Я с грохотом бросила лопаты, те, звякнув, отскочили друг от друга в разные стороны. – Это вам палки-копалки. Пойдем, мужики, могилки рыть. Вас утром расстрелять хотят, а закопать потом негде. – И стремительно вышла в огород, отметив про себя, что народу явно прибавилось и на заборе, как нахохлившиеся воробьи, сидела местная оборванная ребятня.

Через несколько минут, вероятно понадобившихся, чтобы прийти в себя от новости о неминуемой смерти, Савков и Давидыв, пошатываясь, вышли на свет божий, каждый с лопатой и немой решительностью пережить последнее в своей жизни унижение с высоко поднятой головой. Столько публики они увидеть не ожидали, поэтому, щурясь, ошарашенно осматривались вокруг. Рядом со мной кудахтала старуха, почти без чувств от радости, что узурпаторы помогут в хозяйстве. Она суетливо вела наших пленников в самый дальний конец огорода, где уже имелась одна яма, вырытая еще лет тридцать назад ее ныне покойным мужем и давно уже переполненная.

– Вот здесь и копайте, – кивнула бабка и отошла в сторонку, умиленно сложив на груди морщинистые ручки.

Савков обдал меня гневным взглядом и воткнул в мягкую, насыщенную талой водой землю лопату, а потом прорычал сквозь зубы:

– Надеюсь, тебя, Москвина, тоже заставят копать себе могилку, когда граф наиграется с тобой!

– Сомнительно, – ухмыльнулась я, пряча озябшие руки в карманы портов.

Народ зашумел, а бабка подлетела ко мне и тихо охнула в ухо:

– Милаш, а чей-то они про могилки говорят? Ковоть похоронить задумали? Ежель мою кошку, которую зубастая крылатая тварюга с полчаса назад загрызла...

– Бабуль, – отмахнулась я, – не переживай, выкопаем тебе две добротные ямы и могилку для кошки выкопаем. Правда, орлы?!

Клянусь, Давидыв уже хотел замахнуться на меня тяжелой лопатой и огреть по физиономии, но лишь стиснул челюсти и сбросил толику перегноя мне на сапоги.

– Ничего, Денис, не стесняйся. – Я стяхнула землю. – Наш общий друг, вон, выраженный не выбирает, скоро что твой дракон начет пламенем плевать. Давидыв, ты покрой меня матом, легче завтра поутру умирать-то будет.

Денис предпочел проглотить насмешку, только нехорошо зыркнул в мою сторону.

К тому времени как разгоряченные пленники опустили в выкопанные ямы по пояс, посыпал мелкий отвратительный дождик, разогнав почти всех зевак, не нашедших в зрелище ничего захватывающего и интересного. Ко мне подошел бабкин сосед, одолживший нам лопату, и сквозь зубы, чтобы никто не услышал, предложил:

– Слухай, лапушка, может, их ко мне в хозяйство стоняем? Картофельное поле надо перекопать до зарезу, а у самого поясница еще с осени надорвана.

Я оторопела.

– Нет, ты постой, сразу не отказывай. – Он схватил меня за руку и вдохновенно выдохнул в лицо: – За две десятины пять золотых отвалою!

Смех сам вырвался из моих уст. Клянусь, я была готова согласиться на такое соблазнительное предложение.

– Наталья, что за балаган?! – вдруг услышала я возмущенный вопль Лопатова-Пяткина.

Сосед Еремей поспешно отступил от меня на шаг, боясь получить на орехи за пристава-ния к незнакомой женщине. Я оглянулась, Василий, сжав до белизны кулаки, сам стал бордового цвета. От того, чтобы превратиться в демона, его сдерживало лишь присутствие согляда-таев.

– Компостные ямы копаем, – беспечно пожала я плечами и снова обратила взор на бывших приятелей, чумазых и выбившихся из сил.

Чувства тех от новости, что никто не собирается устраивать поутру прилюдной казни, слились воедино – оба позеленели от злости.

– Какие еще ямы? – прошипел Лопатов-Пяткин мне в затылок.

Бабка, стоящая рядом со мной, с перепугу отскочила на аршин, будто ужаленная под хвост кошка.

– Просто ямы для помоев. Должны же мы быть благодарны Прасковье Ефремовне. Вот я и решила подсобить доброй хозяйке, – чуть обернувшись, ухмыльнулась я.

На благородном лице Василия ходили желваки, а губы сжались в узкую черточку.

– Быстро собирайся, мы уже едем... – процедил он, удаляясь.

Савков и Давидыв тут же перестали трудиться, мечтая наброситься на меня с кулаками.

– Не расслабляйтесь, мужики, – широко улыбнулась я. – Нам еще предстоит выкопать новый нужник и посадить две десятины картошки, – и подмигнула оживившемуся Ереме, а потом крикнула демона: – Страх, иди сюда, поганка!

Появление лающей болотной твари распугало оставшихся немногочисленных зрителей. Я развернулась и быстро направилась в дом собрать кое-какие вещи в дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.